

УЧКУН НАЗАРОВ

МГЛА

*Авторизованный перевод с узбекского
С. Шевелева*

1

Погода внезапно испортилась. Налетел ветер, с грохотом распахнулись створки окна, курица, смешно вздыбив перья, побежала в курятник, гулко загредел опрокинувшийся таз, трещали электрические провода на столбе, из керамической чаши, подвешенной в плетеном из прутьев кольце, выплеснулось молоко.

Самад в одной майке выскочил на террасу.

На улице хозяйничала пыльная буря, в воздухе кружились какие-то бумаги, мать закрывала снаружи окно, платье облепило ее худенькое тело, концы платка она зажала в зубах.

Ночью он плохо спал, давила духота, кусали комары, тело спящей жены было жарким — он мучился, отодвигался... Сейчас он рад был непогоде. Вернулся в дом, но в комнате скопилась духота; он поспешил вернуться на террасу — пусть пыльно, зато прохладнее. Закурил.

Ветер успокоился так же быстро, как и налетел. Обвисла надломившаяся ветка черешни, пустая бутылка, катившаяся по земле, уткнулась в забор и затихла, не раскачивалась больше чаша с молоком, прижался к цветнику унесенный порывом ветра с террасы палас, двор был усеян сорвавшимися с веток яблоками.

Пыль еще не осела, окружающие предметы виделись как бы сквозь пелену, везде был разбросан мусор, клочки бумаги, на соседнем дворе жалобно мычала корова. Вздрогнул, затрясся и наконец ровно загудел холодильник — видимо, соединили оборванные провода.

Наконец легкое дуновение ветерка развеяло стоявшую всю неделю в воздухе муть, небо очистилось, заголубело.

«Интересно, где сейчас этот недавний ураган?» — подумал Самад. Вот так и бывает: неделю стоит, копится духота, листочек не шелохнется, ни днем ни ночью не вздохнешь свободно — и вдруг налетает неизвестно где

притаившийся ветер, шумит, хозяйничает, разгоняет духоту. И — опять тишина, будто и не было бури.

— Ты когда идешь на работу? — мать повернулась к нему, держа в руках сорванное ветром с веревок белье.

— Сейчас. Уже собираюсь.

Мать бросила собранные вещи на топчан.

— Зайди на кладбище, — она старательно отряхнула от пыли руки, платье. — Я вчера отнесла цветы Замире. Ваза, наверное, разбилась. (Самад кивнул в знак согласия.) Кувшин с собой захвати. — Она намочила веник в арыке, стряхнула лишнее. — Только посмотри, что за ветер такой ненормальный — все во дворе вверх дном...

— Хорошо хоть, похолодало, — Самад отбросил окурок. — Дышать можно наконец.

— Похолодало, да. Что теперь будет с хлопком, только ведь зацвел?

— Пропади он пропадом! — пробурчал Самад. Открыл кран во дворе, умылся. Позавтракал, обмакнул кусочек лепешки в сливки, отхлебнул из пиалы зеленого чая. Взял приготовленный матерью кувшин и вышел на улицу.

Кладбище было недалеко.

У входа, под старой шелковицей, текла струйкой вода из всегда открытого крана. Самад попросил у служителя ведро, набрал воды в ведро и в кувшин и направился к могиле сестры.

Прошел уже год, как умерла Замира. Умерла внезапно. Врачи сказали — большое сердце, бывает. Родителей Самада и его самого это поразило: Замира никогда не жаловалась на сердце. Но не спорить же с врачебным диагнозом — пришлось смириться.

Замира была моложе Самада на четыре года. В то лето, когда он окончил пединститут в областном городе, Замира получила аттестат зрелости и поступила в тот же педагогический институт, что и брат.

Самад вернулся с аттестатом в районный городок, где жили родители, начал преподавать в школе. Еще в институте он сотрудничал в стенной печати. Сейчас несколько его выступлений на школьные темы напечатала районная газета, затем областная и, наконец, республиканская. В своей районной газете Самад начал писать и на другие злободневные темы, не только о педагогике, и через год редактор предложил Самаду зачислить его в штат на должность корреспондента. Так Самад сделался журналистом.

Вскоре по возвращении в родной городок он женился. Муяссар родила ему дочь, дом наполнился светом. Оглянуться не успели, как Надире исполнился год.

А потом и Замира вернулась в родительский дом после института, начала работать в той же школе, что когда-то и брат.

И вот с этого времени все и началось.

В институте Замира дружила с парнем из того же областного города, звали его Равшан. Молодые люди любили друг друга, решили не расставаться. Равшан послал свою мать к родителям Замиры сватать девушку, сговор состоялся, преломили хлеб.

Теперь Равшан часто приезжал на подаренной отцом машине к школе, где преподавала Замира.

Через месяц должна была состояться свадьба.

Однако судьба распорядилась иначе.

Сын председателя райисполкома в городке, человека влиятельного, ожидавшего повышения по службе, несколько раз останавливал Замиру на улице, пытался заговорить с ней. Девушка упорно избегала Хамдама — так звали этого парня, заносчивого и необузданного, — ясно давала понять, что не хочет видеть его. Однако вскоре после ее возвращения из института и начала работы в школе в дом ее родителей пришли сваты от Хамдама.

Мать Замиры ответила гостям неопределенно, проводила их, а уж затем сообщила новость мужу.

У Джалала-ака, отца Самада и Замиры, небольшого чиновника в райторге, голова пошла кругом. Сам Холбаев! Если б все зависело от него, от Джалала-ака, он бы и не искал другого родства. Будущий свояк — так он сразу в мыслях стал называть отца Хамдама — большой человек, руководитель с перспективой, вожжи района в его руках. Польза от таких родственников была бы непосредственная и ощутимая. Но были и трудности. Джалал-ака маялся: дочь была помолвлена. Как переступить через это? Значит, как ни вздыхай, а Хамдаму придется отказать. Но что такое отказать Холбаевым в городке, где они хозяева? Все выгоды возможного родства тут же обернутся невыгодами, и какими! Сам Холбаев на все способен, считал Джалал-ака. Говорят, у него в самом Ташкенте связи, все может. Да, дочь просватана, по обычаю сломана лепешка, этой осенью должна совершиться свадьба... И ту сторону, сторону жениха Замиры, тоже ведь нельзя сбрасывать со счетов... чуть что не так сделаешь — стыда потом не обе-

решься. И сама Замира — что она скажет, если заговорить с ней о Холбаевых?

Джалал-ака поделился своими сомнениями с сыном.

Самад задумался. Он хорошо понимал колебания отца. Однако ответил определенно:

— Пусть мама все же ответит им, что сестра уже сосватана. Должны ведь они понять, что мы не можем нарушить обещание. И сама Замира — она же скандал поднимет. А Равшан — он ведь если узнает, убьет этого парня, сына Холбаева. Вот морока...

Джалал-ака сокрушенно вздохнул:

— Зря мы им сразу дали согласие, этим приедем. Мать поторопилась. Можно ведь было потянуть, поломаться... — Джалал-ака потер небритый подбородок, вытащил из кармана носовой платок, высморкался. — Разве мы можем спорить с Холбаевым? Да он нас со всем потомством раздавит.

— Ну зачем уж так пугаться, — возразил Самад. — Если дело примет плохой оборот, продадим дом, переедем в областной центр, как-нибудь проживем.

— Это еще если успеем, — Джалал-ака озабоченно покачал головой. — Да он мигом найдет какую-нибудь зацепку и привлечет к ответственности. Вот тогда сам увидишь — и сказать о нашей беде некому будет.

— Какую же зацепку он может найти?

— Эх, сынок, мало, что ли... Милиция-то в его распоряжении, — ответил Джалал-ака с горечью. — И сын его, Хамдам этот, говорят, упрямый — весь в отца! Вроде бы он сказал: мол, женюсь только на ней, а иначе дом подожгу. Эта собака и с сестренкой твоей сделать что-нибудь может, от него всего ожидай. Ты, верно, слышал об этом случае: старуха шла с базара, устала, поставила корзинку с яйцами на его машину — так он всю корзинку оземь... А мимо мотоциклист ехал, попал на скользкое — и об дерево. Сейчас инвалид, врачи сшили ему хомут на шею — говорят, у него без хомута голова не держится. Вот так, и никто ничего сказать не может — все боятся его отца.

Так Джалал-ака с Самадом и не смогли ничего придумать, чтобы защитить семью от неприятностей.

Дальше все покатило как под гору.

От Хамдама снова пришли сваты. Сожида-апа отказала им, сославшись на то, что девушка сговорена, и гости, холодно попрощавшись, удалились.

За две недели до свадьбы «Жигули» Равшана нашли

в враге. Прошел слух, что Равшан врезался в грузовую машину и что он сам виноват — был нетрезв.

Хотя свадьбы еще не играли и родственные связи не были закреплены, Джалал-ака с женой и сыном участвовали во всех обрядах, связанных с похоронами. В городке им открыто сочувствовали, и даже мать Хамдама приходила к Сожиде-апа с соболезнованиями.

Замира несколько раз побывала на могиле Равшана. Возвращалась оттуда с покрасневшими глазами, с пустотой на сердце.

Соблюдая приличия, мать Хамдама подождала месяц после смерти жениха девушки и снова пришла сватать Замиру.

Поскольку прежняя помолвка со смертью Равшана утратила силу и груз обещания больше не тяготил родителей девушки, они считали своим долгом подумать о судьбе дочери: ведь уже год как она окончила институт, ее сверстницы все давно повыходили замуж, имеют по двое детей... кроме того, если и в этот раз отказаться, получится, будто они не желают сблизиться с семьей Холбаева — ведь Замира теперь свободна.

В итоге родители девушки дали согласие Хамдаму, причем Джалал-ака в душе рад был такому повороту дела и намечавшемуся родству с председателем райисполкома.

Замира не хотела соглашаться, упрямилась, пыталась было сказать, что слишком мало времени прошло со смерти Равшана, но родители были тверды:

— Э, дочка, ты соображаешь, что означают для людей твои слова? — рассердилась Сожида-апа. — Разве носят траур по жениху, с которым еще не расписаны, дитя мое! Чтобы я больше не слышала от тебя подобного! Что о нас подумают люди!

Поздней осенью сыграли свадьбу Хамдама и Замиры.

Прошло еще три месяца.

Замира, опустошенная и безразличная, ничего не чувствовала, ничто ее не радовало и не огорчало — она отдалась течению событий. Долгое время не могла заставить себя улыбнуться. Понимала, что так нельзя себя вести, делала над собой усилие, старалась показать, что спокойна, улыбалась, но тут же снова печаль овладевала ею.

Хамдам зорко подмечал все, вскипал злобой; родители, зная его характер, старались успокоить его, убеждая

потерпеть, выждать — время, мол, все перемелет. Однако он все же бывал груб с Замирой, несмотря на то что она была беременна, ревновал ее к умершему Равшану, мучился сам и мучил жену.

Может быть, и правы оказались бы родители Хамдама, веди он себя поумнее, прояви терпение и понимание, может, и наладились бы отношения в молодой семье. Может быть... Но одна его фраза, один злой выкрик перевернули все.

«Это я, я сам убил твоего любовника! — заявил Хамдам в пьяной злобе. — Аварию организовал я!»

Говорил он правду или бахвалился, терзаемый ревностью, Замира не могла знать, но она вдруг поверила этим словам, будто ждала уже подобного признания. Ведь авария-то произошла на территории их района, где и милиция и все расследование, по сути, подчинено Холбаеву!

В душе ее оборвалась еще одна ниточка...

Под утро Холбаев, войдя в ванную, увидел свою невестку в петле, рядом валялась опрокинутая табуретка.

Освободив от веревки еще не успевшее остыть тело, Холбаев лихорадочно соображал, как выбраться из создавшегося положения. Если городок узнает о самоубийстве его невестки, начнется следствие, всплывет история с аварией и смертью ее первого жениха, Равшана... Дело тогда, в октябре, завершили по его совету срочно, квалифицировав как несчастный случай. Но ни одна душа не знала, что его личное вмешательство в это дело и совет были вызваны опасением: он не мог с уверенностью сказать себе, что его сын, этот сошедший от страсти с ума Хамдам, не приложил тут руку... Как на самом деле все случилось, Холбаев не знал, но на всякий случай постарался, чтобы следствие пошло по безопасному для него пути. Но если следствие начнется сейчас и многое всплывет — попробуй тогда выкрутись... А у него столько планов, столько дел впереди! Сколько сил и средств потрачено!.. Расходы — ладно, он уже возместил их... Черт побери, секретаря райкома хотят взять в область, это не секрет, а кандидатура Холбаева будет названа, когда станут решать вопрос о преемнике. Как нехорошо получилось, какую глупость все же совершила его молодая невестка! Несомненно, это Хамдам довел ее до крайности — не будет же беременная женщина вешаться ни с того ни с сего. Видно, до того все ей опостылело — жизнь стала неважною. Ну и тихоня, а! Или, может, больна была чем-то? А? Может, она психически больная, а домашние и не заметили?..

Это мысль! Психически больная, да!

Холбаев бросился к телефону, и через десять минут главный врач районной больницы, запыхавшись, вбежал в его дом.

Осмотрел тело, покачал головой:

— То, что она была нездорова психически, сейчас доказать невозможно. На учете не состояла, к врачу не обращалась. Никакой зацепки. Заключение, конечно, написать можно, но... если ее родители не поверят в ее ненормальность и потребуют экспертизы... обман тут же откроется — след на шее все же существует...

— А если распространится слух, что невестка Холбаева повесилась, это, по-вашему, хорошо? — раздраженно спросил хозяин дома.— Пойдут проверки! Соображайте сами!

Главный врач не спешил с ответом — пусть начальство почувствует свою зависимость, пусть знает ему, врачу, цену!

— Решайте быстрее, уже светает! — зашипел Холбаев, поняв, что врач нарочно тянет время. Добавил тихо: — То, о чем вы беспокоитесь, с этим все будет в порядке, не волнуйтесь. Родителей девушки я беру на себя.

— Я думаю, у девушки было больное сердце, — сказал наконец главврач.— Болезнь часто протекает скрыто, человек сам может не знать о ней. И вообще сердце — это такой орган... неожиданно может быть эксцесс. Возраст тут не имеет значения. Так что, думаю, надо ее везти в больницу.

— Вы на какой машине?

— На «скорой помощи».

— Пусть ее заведут во двор.

— Да, понимаю,— главврач пошел к воротам.

Когда тело Замиры увезли, еще только рассветало. Стволы деревьев, черные и влажные, высокие ветки с набухшими почками еле можно было различить в тумане.

Проводив машину, Холбаев закрыл ворота и побежал в дом, разбудил жену.

— Вышел в туалет, вижу: в ванне невестка лежит. Перевернул ее — не дышит. Сразу позвонил врачам, приехали. Говорят, сердце остановилось!

— Ой, какое горе!

— Ты не знала, что она больная?

— Нет...

— Скрыли, значит, от нас! — Холбаев ударил кулаком о ладонь.— Да вставай же ты наконец! Иди разбуди сына.

Жена, наконец-то придя в себя, стала торопливо одеваться.

Тело Замиры доставили в отделение реанимации.

Ее родственникам, отцу, матери и брату, объявили, что произошла внезапная остановка сердца, что медицина в данном случае оказалась бессильна. Потерявшим от горя рассудок родителям Замиры и в голову не пришло заподозрить обман.

Из больницы Замиру отвезли на кладбище — похоронили в тот же день.

И вот с того самого времени, с весны восемьдесят второго года родные Замиры каждый день приносили на ее могилу цветы. Если Сожида-апа почему-нибудь сама не могла пойти на кладбище, она посылала младшую дочку, Зумрад, либо Самада.

Холбаев, кроме того что организовал пышные похороны, за свой счет поставил на могиле памятник — Замиру изваяли в мраморе, огородил участок чугунной решеткой, посадил цветы, провел электричество. В общем, на могилу приходили смотреть: богатая, находившаяся под особым, постоянным присмотром служителей кладбища, она должна была напоминать и напоминала о неутешной скорби и о богатстве влиятельного тестя Замиры. Электрический свет над могилой горел постоянно, круглые сутки.

Подойдя к могиле, Самад увидел, что мать была права: буря разбила вазу, разбросала цветы. Он собрал осколки, вытер тряпкой надгробие, поставил цветы в принесенный с собой кувшин, полил цветник. Облокотился о чугунную ограду, постоял несколько минут, потом пошел к выходу с кладбища.

2

Купив в киоске центральные газеты, Самад направился в редакцию.

Старое двухэтажное здание вросло в землю — фундамент едва был виден, окна казались прорезанными необычно низко. Дом стоял неухоженный, неказистый: штукатурка кое-где облупилась, решетки на окнах первого этажа поржавели, на тусклых от грязи стеклах остались следы пальцев, пыльные занавески потеряли цвет. Перед зданием — три засохшие клумбы, украшенные обручем от бочки, старой калошей и большой обглоданной костью.

В этом запущенном доме помещалось несколько районных организаций — отдел культуры, контора кинофикации, какая-то строительная администрация. И редакция газеты «Коммунизм машъали» («Маяк коммунизма»), где работал Самад, тоже прижилась здесь. Беспризорное здание, затерявшееся среди внушительно выглядявших добротных новостроек, ни в ком не рождало мысли о ремонте, о благоустройстве территории. Если случалось, прохудится крыша, с потолка капало неделями; если где-то лопалась труба, без воды сидели месяцами: если заливало подвал, невозможно было подойти к туалету.

— Давненько мы не давали материалов об «Илгор», — сказал Самаду завотделом, сорокалетний веснушчатый толстяк. — Теперь запланировали. Съездите-ка на пару деньков.

«Илгор» был известным, даже знаменитым передовым колхозом.

— О них ведь постоянно республиканские газеты пишут, — полунапомнил, полувозразил Самад. — Председатель — она и герой, и депутат. Наш материал никто и не заметит. В грош не оценят.

— Это поручение главного, так надо, — объявил завотделом, не вступая в дискуссию. — Если буран нанес ущерб, не забудьте отметить: «Несмотря на неблагоприятные условия погоды, мужественно преодолевая трудности...» — ну и так далее, сами знаете.

— А если ущерба не было? — спросил Самад, не очень скрывая иронию.

Заведующий расценил вопрос как бунт, глянул неприязненно:

— Короче — рассмотрите, поищите, разузнайте. Если чего нет, сами придумайте. В общем, подготовьте показательный материал, таково задание.

Вернувшись на свое место, Самад просмотрел почту, рассортировал бумаги, что нужно спрятал в ящик стола, запер на ключ. Позвонил жене на работу, сказал, что уезжает в колхоз — дня на два, не больше.

Выйдя на улицу, задумался. Пока он доберется до места, уже наступит вечер — как быть с ночлегом? Корреспондент районной газеты — человек маленький. Все внимание в знаменитом колхозе — гостям из столицы. Иногда и людям из области не уделяют должного внимания, не до них. Центральная дача колхоза и гостиница переполнены приезжими и корреспондентами из Москвы и Ташкента; угощениям нет конца, машины то и дело возят всевозмож-

ные напитки, отборные яства и фрукты; мраморные бассейны, финская баня, бильярдные никогда не пустуют, обслуживая важных гостей. Где уж таким, как Самад, проситься в колхозную гостиницу!

Однако выход был. В водхозе района работал друг Самада, дом его помещался как раз в центральном поселке «Илгора». Самад и Мансур подружились еще во время учебы в областном городе, в каникулы ездили друг к другу в гости, так что и семья Мансура, его жена и мать, хорошо знали Самада. Во время командировок ему не раз доводилось останавливаться в доме друга. К тому ж у Мансура недавно родился второй сын, надо бы заглянуть, поздравить. Только прежде — в магазин, за подарком. Когда появилась на свет Надира, Мансур с женой приезжал посмотреть на новорожденную, а его подарок — детская кроватка — и сейчас исправно служит.

В «Детском мире» Самад разглядывал игрушки — от погремушек до детской педальной машины — и не знал, что купить. Была бы рядом Муяссар, она бы сразу выбрала необходимое. Пришлось советоваться с продавщицей.

— Сколько лет мальчику? — спросила девушка.

— Полгода.

— Вон, погремушек целая полка.

Самад покачал головой:

— Мне надо что-нибудь подороже.

— Тогда возьмите трехколесный велосипед. Подрастет малыш — будет кататься.

Ехать в «Илгор» было не так уж далеко, но в нескольких местах шоссе было перегорожено поваленными бурей деревьями. Пока трактор стаскивал их с дороги, прошло время, так что до места Самад добрался лишь с наступлением сумерек.

Мансур еще не вернулся с работы, но Самада приняли радушно.

Когда стемнело, появился хозяин. Самад встал навстречу, друзья поздоровались.

— Что ж ты не предупредил, я бы пораньше вернулся!

— Да я совсем недавно...

— Присаживайся, я пока вымоюсь и переоденусь. Буря свалила в канал с десяток деревьев, с утра возимся. Адолат, принеси полотенце!

— Я только что повесила в ванной чистые, — ответила жена, выглянув из кухни; на руках у нее был шестимесячный сын, за подол тянула четырехлетняя девочка, капризничала, ревнуя мать к малышу.

— Да отдай ты пока ребят бабушке! — крикнул Мансур, жалея Адолат.

Та смутилась:

— Она пошла читать вечерний намаз... Сейчас выйдет.

— Чего ты нам приготовишь?

— Плов. Уже скоро, рис кладу.

Самад поднялся, сделал несколько шагов к кухне:

— Адолатхон, давайте-ка пока что я пригляжу за детьми.

— Да они не захотят без меня. Не беспокойтесь... — и хозяйка снова скрылась в кухне.

После плова нарезали дынь хандаляшек, в воздухе поплыл их тонкий аромат.

Взошла луна, осветила листья тополей.

Самад с Мансуром устроились спать во дворе, на помосте, опустили марлевый полог, спасающий от комаров, закурили.

— Отец твой, я слышал, перешел в отдел снабжения, с хорошим окладом, — сказал Мансур, желая сделать приятное другу.

Однако Самаду в его словах послышался намек на родство с Холбаевым.

— Пропади они пропадом, и должность, и оклад! — в сердцах ответил он. — Холбаевы... И надо нам было попасть в их сети! Это они погубили Замиру! Муж довел ее — издевался, ревновал. Замира терпела, переживала, вот сердце и не выдержало. — Самад помолчал. — Здесь и моя вина есть. Знал, что сестра не любит этого парня, а не отговорил, не переубедил отца. А отец, наоборот, все старался ускорить свадьбу, не давал покоя матери — хотел, чтобы она скорее нажала на сестру, уговорила. И вот результат. Замиры уже год как нет, мать не может простить отцу, отношения натянутые, чуть что — ссора. У меня от их бесконечных перебранок сердце болит, да и перед женой стыдно.

Мансур сочувственно вздохнул. Постарался перевести разговор на другое:

— В каждой семье свои заботы и печали, не те, так другие, от них не скроешься. Посмотри на мою Адолат — как состарилась! — а ведь ей всего двадцать пять. Работает день и ночь, на себя минуты не остается. В этом году особенно тяжело с шелкопрядом, план спустили большой, никуда не денешься. Все тутовники обрезали. Я с водхозовскими делами мотаюсь по району, а сам еще и тутовники высматриваю — быстро срезаю ветки, в машину — и был

таков. Если поймают, конечно, по мозгам получу. Так и кручусь: колхоз не успел обеспечить листьями, а те, что с трудом добываю и привожу, по дороге успевают увянуть, гусеницы их не едят. На руках у жены грудной ребенок, старшая подола не отпускает. Детский сад отобрали, ребятишки остались на улице. Да хорошо, если б только с шелкопрядом морока, а то ведь еще и насчет посадочного материала думать надо, и овцы, коровы — их кормить надо, еще домашнее хозяйство, стирка, уборка, детей вымыть, покормить и уложить... В общем, сам понимаешь.

— Я же помню — три года назад в этом колхозе построили показательный двухэтажный детский сад с бассейном, на всю республику прогремели. Это там сейчас шелкопряда выращивают? — изумляясь спросил Самад. — Ведь говорили — образцовый, гордость района. Я тогда еще писал в газете о торжественном открытии...

— К черту всю эту показательность! — сердито бросил Мансур. — Все наши беды от показухи!

Самад с возрастающим интересом ждал продолжения.

— Если все сложить вместе, то за три года дети и месяца не провели в этом показательном саду!

— Как — месяца?! — все более удивляясь, переспросил Самад. — Ты хочешь сказать, что дети все три года не пользовались садом?

— Вот именно! Ходили и ходят в старый сад, в аварийное здание. Все та же грязь, рваные матрацы, месяцами не стиранные покрывала, хромые столы и табуретки, сломанные игрушки, гнутая алюминиевая посуда без ручек... Из такой посуды не то что человека — собаку кормить стыдно... Э, да что говорить!.. Так даже и это здание каждый год забирают под гусениц шелкопряда. И дети рады, что не надо идти в сад!

— А новый сад — что с ним? Который показательный? Почему дети туда не ходят? Я же сам видел его — прекрасно оформлен, богато обставлен, от изобилия игрушек в глазах рябит. Новые ковры, новые занавески, новые люстры... Во дворе — аттракционы, бассейны, цветники, сад!

— Все правильно! — Мансур от волнения даже повысил голос. — Цветники, сад! Все существует, не детсад — санаторий! Колхоз истратил на постройку двести пятьдесят тысяч рублей!

— Так почему дети не ходят? Что-нибудь не так?

— Все так, как положено. Ходят! — зло сказал Ман-

сур.— Когда гости из-за границы приезжают. На два-три часа, да и то под присмотром большого колхозного руководства. И пусть хоть один ребенок прикоснется к игрушкам! Да ему руки пообломают! И дети это знают. А как только зарубежные гости или столичное начальство за порог — естественно, выразив восхищение увиденным,— так детей без промедления отправляют обратно, в старое здание. А новый сад запирают на замок. И ключ от него хранится лично у председателя в сейфе — до очередных гостей. На новых накрахмаленных простынях дети ни разу не спали, и они к этому привыкли. И уже знают, что делать при гостях в новом саду: сядут на стульчики в кружок и поют песенку про цыпленка, ну, ты знаешь ее, очень популярная, гости всегда в такт хлопают.

Самад не верил своим ушам.

— Да ведь это — наглое очковтирательство! А вы почему не поднимаете скандал, почему сидите тихо?!

— Говорят, есть указание сверху,— с напускной наивностью объяснил Мансур.— Необходимо иметь хотя бы один показательный объект.

Ветер тихонько шелестел листьями, высоко поднимавшаяся луна освещала призрачным светом марлевый полог над помостом, где расположились два друга, и белая эта палатка была похожа на одинокий парус в ночном море.

3

Самад закрыл дверь председательского кабинета, а сама хозяйка — мужеподобная женщина лет пятидесяти, с набрякшим лицом, с родимым пятном на правой щеке,— сердито перевела дух и еще некоторое время хмуро смотрела в дверь, вслед ушедшему, соображая, что сейчас нужно сделать, как лучше нейтрализовать этого наглого мальчишку. Беседа с ним была неприятной, оставила тяжелый осадок.

Наконец она ловким, привычным движением энергично схватила телефонную трубку, соединилась с райкомом.

— Асам Пардаевич! — начала она повышенным тоном (ясно было, что райкомовские для нее не самое большое начальство).— Это что такое?! Ведь спокойно не можем работать! Здравствуйте!.. Хорошо... Сплошное цветение. Поливаем. Нет! Пока не закончим орошение, воду не трогайте! Да! Меня другие хозяйства не интересуют. Саженцы нужно напоить вдоволь. Ветер согнул, головы им не поднять... Я же вам, кажется, сказала, Асам Пардаевич, до

175

других колхозов мне дела нет. Воду не трогайте, не то позвоню наверх... Хотите иметь гарантированный урожай — придется делать... Что? Какой разговор! Да, кстати... Был у меня корреспондент районной газеты, здорово подпортил настроение. Фамилия его Саттаров... кажется, Самад... Это что за такой бестолковый человек?! Состояние посевов хлопка сами знаете какое, так вместо того чтобы пойти и посмотреть, он мне все про детский сад: почему старый — такой-сякой, почему детей не переводите в новое здание, очковтирательством, говорит, занимаетесь, мошенничеством, Москвой пугает, в «Правду», говорит, напишу, для детей, мол, сад построили, не для показа гостям, угрожает. В первый момент хотела в милицию его сдать, да потом сдержала себя. Что, теперь наша судьба от таких молокососов зависит, что ли? Ни со званием, ни с положением не считается! И где вы только находите таких болтунов? На весь день испортил настроение, я теперь работать не в состоянии, валидол глотаю. Да, Асам Пардаевич, но надо же знать меру! Надо приструнить кляузника. Если такие, как он, будут совать свой нос во все дела, хочу предупредить: поставлю на дорогах патруль — и пусть катятся откуда пришли. Забот полон рот, мне о хлопке надо думать или же обороняться от таких вот ищеек? Вы знаете, что делают в Намангане с такими, как он?.. Вот это другое дело! Асам Пардаевич, если кто собирается приехать, предупредите — пусть у меня спросят, о чем писать, а не то посажу на ишака задом наперед — и до свидания! Асам Пардаевич, проследите, чтобы этот не писал. Все равно, если будет проверка, материалы сначала посылают в наш район, а этот полагает и перестанет. Бег теленка — до стойла. Однако что ни говори, а знающий скажет так, незнающий — этак, а для авторитета района — минус. Не лучше ли опередить события. Асам Пардаевич, пока воду не замутили...

4

Хамдам ехал по улице на своих «Жигулях» и из машины увидел на тротуаре брата Замиры Самада, направлявшегося в сторону автобусной станции с детским велосипедом в руках. Первым побуждением Хамдама было остановиться, поздороваться, если нужно, то и подвезти... но потом он передумал — не хотел сейчас никаких разгово-

После смерти жены он места себе не находил. Все

случившееся в их доме оглушило его, потрясло, напугало, лишило воли и способности действовать как обычно.

После того, последнего скандала с женой он, пьяный, быстро заснул. Ночью проснулся от сильной жажды — рядом в постели ощутил пустоту. Позвал жену, раз, другой — ответа не было. Решил, что она, обидевшись, ушла к родителям. С трудом поднялся, вышел во двор — холодный туманный воздух помог прийти в себя. Отправился в ванную комнату — и, увидев, сдавленно вскрикнул: жена висела на веревке, босые ноги, руки вытянуты вдоль тела, на кафельном полу валялась табуретка. В ужасе, не помня себя, Хамдам вылетел из ванной, бросился в спальню, нырнул в постель, под одеяло, голову под подушку — затих. Не было, ничего не было этого... не видел, не знает, не причастен... В горле пересохло, сердце гулко стучало, темнота усиливала страх.

Минуты тянулись как часы.

Потом на поверхности сознания всплыла мысль: сейчас он встанет, заставит себя встать, и побежит через двор в дом, где спали родители. Необходимо разбудить их...

Но тут во дворе послышался кашель отца.

«Нет, я ничего не видел! — подсказал страх. — Отец сейчас все обнаружит сам, прибежит сюда, станет будить меня, а я притворюсь спящим, я еще ничего не знаю... Пусть расхлебывают без меня!»

Он ждал, от напряжения его колотила дрожь, но отец все не шел за ним, не было слышно и матери. Вместо этого вскоре скрипнули ворота, донеслись неясные голоса чужих людей, взволнованные, нервные объяснения отца, шум автомобильного мотора, топот ног...

Врачи дали заключение, связывавшее смерть с сердечным приступом; Замиру в тот же день похоронили, и Хамдам так никому и не открыл, что видел жену в петле.

Его вполне устраивало, что подлые его поступки, толкнувшие жену к самоубийству, пребудут в тайне и ни за что не придется отвечать. Нет, что за ловкач отец, а! И после смерти Равшана явно сумел оградить семью от подозрений и расследования, и сейчас с врачебным диагнозом мастерски обстряпал дело — словно волосок из теста вытащил! Закрытый котелок так и остался закрытым.

Однако самое тяжелое для Хамдама неожиданно началось позже, когда Замиру уже похоронили, опасность разоблачения миновала и страх прошел. Помимо собственной воли он еще раз выяснил для себя, что все-таки

любил жену, как ни отравлял ей жизнь, и что без нее свет белый ему не мил.

Чтобы заглушить чувство потери, раскаяния, презрение к себе и родителям, сделавшимся его сообщниками, Хамдам начал пить.

Родители не мешали ему, понимая, что в основе его поведения теперь — тоска по жене, досада на жизнь, на себя; они считали, что время излечит все. А пока — на улице сын пьяным не болтается, хулиганских выходок, как прежде, не допускает, родителей не позорит — так пусть утешается как может, скоро ему надоест.

Родители и здесь были правы: выпивка Хамдаму скоро надоела, однако — и тут родители ошиблись — он вовсе не успокоился.

Теперь он напивался реже, однако ни с кем не разговаривал, одичал, даже матери с отцом на осторожные попытки спросить, помочь отвечал грубостью.

— Надо нам женить его, — сказал однажды Холбаев своей жене Манзуре. К тому времени прошло шесть месяцев со дня гибели Замиры. — Жена отвлечет его, смягчит.

— Но ведь совсем мало времени прошло после похорон невестки, — озабоченно заметила жена. — Что люди скажут?

— Если жених с невестой сосватаны, в доме, где умер свекр, и двух дней не проходит, а свадьбу уже играют, — объяснил Холбаев.

— Но это лишь от безвыходности, если свадьба уже назначена, — робко попыталась возразить Манзура. — У нас-то нет причин спешить. Сын вполне может потерпеть. Ведь из нашего дома тело выносили.

— Беспокоюсь за сына, потому так и говорю, — отворачиваясь, пробурчал Холбаев. — Как бы чего не натворил. По мне — пусть хоть год еще ждет, даже хорошо: люди скажут — долго соблюдали траур по невестке, уважение оказали. Но посмотри на Хамдама — второй день не просыхает, еще ляпнет своим дружкам что-нибудь на пьяную голову.

— Какие дружки, он же из дома не выходит. Да и что может он такого сказать... — Манзура-апа не знала ни опасений мужа, связанных со смертью Равшана, ни тем более истинной причины смерти невестки.

— Как это — что может сказать? — раздраженно переспросил Холбаев. — Сердце у бедной Замиры, я думаю, ты понимаешь, не само собой заболело. Сын твой ее мучил,

ревновал к тому погибшему парню. Сколько раз избивал ее, она на улицу не могла выйти — знаешь не хуже меня. Терпеливая оказалась, — представляешь картину, если б она вся в синяках ушла к своим родителям! Подали бы на нас в суд, сына посадили бы, меня бы отстранили от работы. Сидели бы, жалуясь богу...

Несомненно, опасения Холбаева были обоснованны. Ему было чего бояться, случись и вправду, что Хамдам по пьянке сболтнул бы лишнее... например, об издевательствах своих над женой, приведших к ее смерти; а это дело связали бы с фактом гибели Равшана в автокатастрофе — иди тогда оправдывайся, пробуй сохранить пост и влияние... поползут слухи, людям ведь рот не закроешь. Нет, и правда это мысль: нужно побыстрее женить Хамдама, пусть будет занят собой — перестанет мучиться по Замире. Может, ему нравится кто... тогда все можно ускорить — желанная женщина так сладка, что любые самые важные проблемы отодвинет.

— Погляди, какой он хмурый ходит. — Увидев, что на улице остановилась пришедшая за ним машина, Холбаев надел шляпу. — На нас не смотрит, словно это мы его жену извели. Сам во всем виноват, шалопай. Сдерживать надо было себя... Поговори с ним, — обернулся он к жене, — пусть скажет, может, ему кто по душе...

— Нагрубит он мне, и все. — Манзура-апа помолчала, потом добавила: — Вы мужчины, вы и поговорите. А я займись женскими заботами...

Холбаев все не мог найти удобного случая побеседовать с сыном начистоту, да и о новой невестке непросто было завести разговор. Однако он видел, что состояние Хамдама с каждым днем ухудшается, и пока тот не наделал беды (по понятиям Холбаева), необходимо было что-то предпринять.

Хамдам чувствовал намерение отца поговорить с ним и не хотел этого разговора. Он знал, что не сумеет сдержаться, и боялся — боялся бросить отцу в лицо правду, обвинить в подлых делах... неизбежно будет упомянута смерть Замиры, ложное заключение врачей, снова будут сказаны слова о гибели Равшана... Не хотел этих слов, этих разговоров Хамдам. Да, все верно, он бывал груб с женой, без причины ревновал ее, мучил нещадно. Всякий раз обнимая жену, вглядывался в ее глаза, стараясь понять, по-прежнему ли ее сердце принадлежит Равшану... а если это было не так, он хотел слышать слова преданности себе... Но, не дождавшись желанных признаний, слов

любви, страдал еще больше и доходил до того, что хотел уничтожить причину своих страданий.

Нет, какой он дурак, думал сейчас о себе Хамдам, надо же было ему жениться на Замире — ведь знал, что уже сосватана! Сам себе на голову беду накликать! Однако он отдавал себе отчет в том, что, ревнуя и мучая Замиру, все же любил ее, не мог жить без нее. Потому и бросил ей в лицо слова о гибели Равшана, чтобы сделать ей больно и в то же время показать свою силу и бесстрашие. И сейчас он понимал, что глупой, преступной похвальбой лишил себя любимой жены и будущего ребенка. Что могла тогда подумать о нем Замира, в тот вечер, — верно, ужаснулась, что живет с убийцей своего жениха и ждет от него ребенка... ужаснулась — и решила: лучше умереть, чем жить подлой, предательской жизнью...

Да, сначала Хамдам счел ловкость отца, обеспечившего «удобное» врачебное заключение, уместной и нужной — ведь была устранена опасность для семьи и для него, Хамдама, в особенности.

Но постепенно пришло отрезвление, и никакая пьянка уже не помогала, постепенно он начал осознавать, какое чудовищное дело он совершил. По сути, заставив Замиру выйти за себя, он подвел ее к смертному часу. Мало того, ее, Замиру, объявили виноватой в собственной смерти, объявили больной, ее похоронили, а сами вышли из дела чистенькими. Разве может быть преступление страшнее, чем отнять человеческую жизнь! А он, Хамдам, отнял. И отец помог. Отец кого хочешь со свету сживет, только попробуй стань поперек дороги... Взятчик. Он, Хамдам, знает, как отец продавал должности.

А мать — неужели она поверила во внезапную болезнь Замиры, в сердечный приступ? Или, может, она не видела Замиру с петлей на шее? В тот вечер, он помнит, во дворе не было слышно голоса матери. Возможно и такое, что отец, вернувшись в дом, не открыл ей правды, сказал придуманное вместе с врачом... Или же мать все знает и просто сговорилась с отцом? Неужели такое может быть? Неужели и мать такой же подлый человек, как они с отцом? Неужели...

— Сынок, ты что-то давно на работе не показываешься, три зарплаты тебя дожидаются, — сказал однажды Холбаев и, встав с кресла, выключил телевизор. — Сходи хотя бы получи деньги.

— С какими глазами я пойду в кассу, если не работал... — не поднимая глаз от пола, возразил Хамдам.

— Ну так об учебе подумай. Семь лет в институте, перешел на заочное... — Холбаев старался говорить осторожно, не раздражать сына. — Завистники болтать начнут... Чему быть, того не миновать... что ж теперь делать, ее не вернешь. Нельзя так изводить себя. Нельзя столько пить. Соберись, сынок, возьми себя в руки. Посмотри на мать — в щепку превратилась, переживая за тебя, — пожалей хоть ее.

— Что обо мне говорить, сынок, посмотри на себя, — вторила мужу Манзура-апа. — Плохо ешь, за собой перестал смотреть. Слова из тебя не вытянешь, всех нас измучил. Даже в переживаниях надо знать меру.

— Послушай меня, Хамдам, — Холбаев удобно устроился в кресле. — Шесть месяцев прошло, вполне достаточное время. Пора тебе подумать и о своей жизни в дальнейшем. Ты уже не ребенок. Если тебе кто-нибудь по душе, скажи, что-нибудь придумаем. Нам не откажут.

Хамдам встал, направился к выходу, у дверей обернулся:

— Что-нибудь придумаем, да? — И криво усмехнулся. — А если она уже сосватана? Как и тогда, все уладите?.. — голос его сорвался.

— Не кричи! — оборвал сына Холбаев: он вовсе не хотел, чтобы кто-нибудь из посторонних слышал их разговоры.

Манзура-апа, не понимая резкости мужа, с удивлением смотрела на него. Холбаев пожалел, что затеял объяснение с сыном в присутствии жены: могли всплыть подробности, которые он скрывал от ее ушей. Поэтому он тут же взял себя в руки, подавил раздражение.

— Ладно, сынок, не будем кипятиться, — предложил он и сделал рукой знак жене, чтобы она молчала. — Если ты считаешь, что времени прошло мало и что-либо предпринимать неудобно — дело твое. Мы тебя не торопим. Просто о твоём будущем думали — ну и вырвалось. Мать сказала, а я согласился с ней, не подумав. Прости нас, сынок!

— «Прости»! — с горечью повторил Хамдам. — Когда дело сделано, тогда — прости!

— Какое дело, о чем ты? — непонимающе спросила Манзура-апа. — Разве не ты сам заставлял нас устроить сватовство, уперся, покоя не знал?

— Так ведь вы — мои родители! — обидчиво вскрик-

нул Хамдам. — Почему не отговорили? Почему не объяснили, что грех разбивать помолвку? Видели же, что глупость, баловство у меня в голове, — почему не остановили, не образумили?

— Ты же сам не послушал нас, болван! — взорвался Холбаев. — Сколько раз повторяли тебе, сколько взывали к твоей совести — разве подчинился воле родителей?! «Умру, что хотите сделайте, но жените меня на ней!» — вот что ты повторял тогда. «Дом подожду, себя зарежу!» — не твои ли слова? А теперь всю вину на нас хочешь скинуть! Да, может, если б не твое ослиное упрямство, может, тот несчастный достиг бы своих желаний и судьба не заставила бы нас расплачиваться, не свалилось бы столько горя на нашу голову! И ты бы не ходил бобылем, женился бы на другой, сейчас уже внуки бы пошли — мы с матерью не оставались бы в доме одинокими! Видите ли, не предупредили его!

По недоуменным вопросам матери Хамдам понял, что она ничего не знает ни о смерти Равшана, ни о самоубийстве невестки. Получалось так, что захоти сейчас Хамдам излить злость, отомстить отцу — все скрытое от матери неизбежно выплыло бы наружу. И она может не выдержать, и так уже видно, что встревожилась из-за намеков его и отца... Жалея мать, Хамдам прекратил разговор, ушел в свою комнату, бросился на кровать и заплакал.

Мраморная плита на могиле Замиры была чистая, земля вокруг полита и подметена, в кувшине стояли цветы. «Видно, ее мать недавно приходила, — подумал Хамдам. — Бедная, такую дочь-красавицу потеряла... И ведь поверила, что из-за сердца все, даже в голову не пришло проверить врачей. Вот если б она потребовала экспертизу, было бы дело! А меня бы точно посадили... сейчас бы где-нибудь далеко отсюда валил деревья... Отца турнули бы с места... Но все это — несравнимое, мелкое рядом со смертью, этим не откупишься. Что бы с нами не случилось, еще увидим что-нибудь в жизни хорошее... а вот Замира уже ничего не увидит. Но почему, почему она не ушла из дому, почему терпела мои выходки, не поднимала скандала в ответ? Зачем сорвала обиду на себе? Почему меня, подлеца, не убила, не зарубила топором? Ведь я заслужил... И семейку мою проучила бы! Благородная какая нашлась на нашу голову! А я, собачий сын, ревновал, мучил... Как жить дальше? Есть ли у меня право жить?»

Через определенное время после свадьбы Хамдама и Замиры родители с обеих сторон, согласно традиции, начали приглашать друг друга в гости. Однако надежды Джалал-ака на быстрое выдвижение с помощью влиятельного свояка не сбылись. Сколько ни пытался он угодить Холбаеву, сколько ни намекал, что нынешняя должность его не устраивает — тщетно: Холбаев то ли просто не захотел ему помочь, сделал вид, что не понимает намеков, то ли побоялся разговоров — мол, сразу после свадьбы перевел свояка на место пожирнее; так или иначе, но когда Джалал-ака подводил разговор к нужной ему теме, Холбаев избегал прямых ответов. Однако Джалал-ака не оставлял надежду: Холбаеву хорошо были известны его заслуги в организации свадьбы. Кто, как не он, первым в семье согласился отдать дочь Хамдаму? Кто не давал покоя жене, пока дочь не была сосватана за сына Холбаева? Поэтому, по его мнению, Холбаев рано или поздно, но должен был отплатить ему за старания и помощь.

— Отец,— сказал ему однажды Самад, после того как разошлись гости,— я не понимаю, зачем вы так унижаете себя перед Холбаевым? Ведь за столом все гости равны, а вы столько внимания уделяете ему одному, можно сказать, только на него и смотрите.

— Свояк — это свояк, ему и внимание особое полагается, сынок,— ответил Джалал-ака, не выдавая перед сыном своих истинных побуждений.— Иначе новые наши родственники скажут, что мы невоспитанные люди, не умеем встретить, уважить.

— Уважение, конечно, вещь хорошая, только все же не стоит так унижаться,— огорченно добавил Самад.— Холбаев еще ни разу не дослушал вас до конца.

— Я о Замире думаю, сынок,— сказал Джалал-ака, смутившись.— Хочу, чтобы в новом ее доме к ней хорошо относились. Замира полностью зависит от них, поэтому надо сделать все возможное.

После того как была сыграна свадьба и Замира осталась в доме Холбаевых, родители ее считали, что судьба дочери устроена. Однако Сожида-апа, вглядываясь в глаза дочери, не видела в них радости. Коли дочь у них засиживалась, мать старалась поскорее проводить ее, приговаривая, что молодой невестке неприлично возвращаться в дом мужа в темноте. Ее слова, обращенные к дочери, были одновременно намеком в адрес собственной невестки, мо-

лодой жены Самада: Муяссар частенько, навещая родителей, задерживалась там.

Когда же Сожида-апа услышала несколько раз искренний, привычный для нее смех дочери, она совершенно успокоилась: «Слава богу, девочка, кажется, начала привыкать к новой семье. Такая уж наша женская природа — вначале капризничают, а потом сдружатся, все печали позабудут. Муж то-то сказал, муж то-то купил... муж... муж...» Правда, подобных слов мать от Замиры никогда не слыхала, а если расспрашивала ее о жизни в новой семье, то слышала в ответ лишь, что все хорошо. Но уж слишком хотелось Сожиде-апа поверить в удачное замужество дочери — она и верила.

На самом деле хорошее настроение Замиры связано было не с мужем и новыми родственниками. Как бы ни складывалась жизнь, а у природы свои законы. Чувствовать под сердцем зарождение маленького существа, чувствовать себя будущей матерью было для молодой женщины единственной, но настоящей радостью. Однако Замира не торопилась сообщать Сожиде-апа о своей беременности — стеснялась. Поэтому родные Замиры, даже похоронив ее, не подозревали, что она ждала ребенка.

Неожиданно свалившаяся беда заставила Холбаева задуматься. Надо было найти выход из создавшегося положения. Молодая, здоровая, на третьем месяце беременности женщина (Холбаев не знал, что для родственников это оставалось тайной) внезапно умирает, — кто же на такое будет смотреть спокойно! Поэтому надо было срочно придумать, как бы прижать всем язык — не то, не дай бог, потребуют разбирательства.

После смерти Замиры, примерно через неделю, Холбаев перевел ее отца на другую работу, и Джалал-ака тут же попался на удочку: новое место, отдел снабжения, было не только почетным, но и весьма прибыльным, одним из самых прибыльных в районе. Новые заботы, в том числе приятные, отвлекли его внимание от обстоятельств смерти дочери.

На новой должности у Джалала-ака сразу появились свободные деньги. А сам он, еще крепкий пятидесятилетний мужчина, встречая красивых женщин, чувствовал себя молодым и сильным, сердце начинало волноваться. Поэтому, вступая в должность, Джалал-ака прежде всего перевел в свой отдел со старой работы одну юную особу.

Салимахон была разведена, весьма привлекательной внешности и не имела детей. Джалал-ака слегка заигрывал с ней и не прочь был сделать из нее любовницу, да его зарплата не позволяла делать избраннице дорогие подарки, а какая же любовница без подарков?.. Последние годы... подступающая старость... Ах, если бы позволил кошелек да коли есть желание — разве грех утолить свою жажду! И вот теперь, оказавшись на прибыльном месте, Джалал-ака приносил домой зарплату, остальные же доходы копил — и сумма набралась немалая. Пусть только минет годовщина Замиры, тогда он, Джалал-ака, потихоньку осуществит свои планы — и совесть мучить не будет. Да и почему она должна мучить? Жена волком смотрит — зло говорит, что это он погубил дочь, постоянно плачет, учиняет скандалы: мол, это он во всем виноват, он заставил ее дать согласие на свадьбу, он у домашних орехи на голове колол... а уж она уговорила бедную девочку, несмотря на ее нежелание, заставила, не давала ей покоя — и вот результат. Да, не хочется сейчас Джалалу-ака возвращаться домой с работы, боится он жены, нет ему покоя ни во сне, ни за обеденным столом. Поднявшись пораньше, торопливо бежит он на работу — и это жизнь, по-вашему? Тут и ангел перестанет быть верующим.

Безусловно, Джалал-ака любил дочь. Весть о смерти Замиры повергла в отчаяние, оглушила его, он долго не мог прийти в себя, потом разрыдался, бил себя кулаком по лбу. «Лучше бы отец твой умер, доченька!» — выкрикивал сквозь слезы. Голос его слышали в соседних дворах, и у людей, знавших его горе, сжималось сердце.

Хотя годовщину смерти Замиры справляли в доме Джалала-ака, все заботы взял на себя Холбаев. Готовили в двух огромных котлах, зарезали пятнадцать баранов, на поминки пришло более тысячи человек. По заказу Холбаева на могиле Замиры поставили мраморный памятник, из школы, где она преподавала, пришли пионеры, выстроились вокруг могилы, звучала траурная мелодия, близкие люди говорили душевные, прочувствованные слова. Со стороны могло показаться, что все тут посвящено памяти Замиры, однако на самом деле Холбаев организацией богатых поминок еще больше укрепил свой авторитет, даже из смерти сумел извлечь для себя выгоду. В определенной мере он достиг цели: многие из собравшихся восхваляли его достоинства, его щедрость, старики благословляли его, скромно стоявшего в сторонке, пожимали

его руку и — в знак особого уважения — прикладывали к глазам.

На Хамдама никто даже и не взглянул.

«Ай да отец! — удивился Хамдам: такое торжество поразило даже его. — Ну и ловкач, всех обвел вокруг пальца, всех одурачил!»

6

Выслушав жалобу председателя колхоза «Илгор» на корреспондента районной газеты, Асам Пардаевич положил телефонную трубку и задумался. Апа (Сестра), как принято было почтительно называть председателя, знаменита была не только в районе и области, но и в республике, водила знакомство с представителями высших инстанций, свободно могла звонить им по телефону, привыкла к похвалам, почету и власти. Перечить ей нельзя, никто не смеет — в случае чего она способна не только самому Асаму Пардаевичу, но и его областному руководству хвост прижать, имеет хорошую опору в Ташкенте — всем известно. У себя в колхозе она полновластная правительница, остальные у нее на побегушках. Хозяйство прочное, приносит хорошую прибыль, колхозники живут в достатке, поэтому действия Апы не подлежат обсуждению, все ее указания и распоряжения принято сразу же поддерживать, — и пусть только кто-нибудь посмеет не поддержать!

Корреспондент попал ей под горячую руку, разгневал Апу, — следовательно, он, Асам Пардаевич, должен принять меры, а потом поставить об этом хозяйку колхоза в известность, в противном случае она решит, что ее слово не уважили, и что-нибудь да выкинет недоброе, как говорится, «наденет халат наизнанку» — затаит злобу. Она из рук вожжи выпускать не любит, начатое доводит до конца. Если решит пожаловаться на него, Асама Пардаевича, в высшие инстанции, несомненно, там примут во внимание ее заслуги, — и в каком же положении тогда окажется он, секретарь райкома? Ведь сколько он сил положил, чтобы занять этот пост, старшего называл братом, младшего — братишкой, поднимал отстающий совхоз, осваивал новые земли, обводнял... Затем его назначили председателем райисполкома, через три года взяли в райком. Сейчас, похоже, есть хорошие шансы на работу областного масштаба... И вот из-за какого-то корреспондента все выстроенное, все достигнутое может пойти прахом. Да и что он такое, этот корреспондент, судьбу его можно решить одной

резолуцией. Вызвать редактора газеты, дать указание, а уж тот постарается найти изъян в поведении сотрудника — опоздание там или халатность, в общем, найдет к чему придраться, прибавит еще от себя, раздует дело — и выгонит с работы. Вот корреспондента и нет. М-да... И уволенный журналист затрепыхается, начнет писать в инстанции... Нет, действовать подобным образом — значит действовать неправильно, грубо. Гораздо умнее повернуть дело так, чтобы корреспондент сам пожалел о содеянном, сам убедился в неправильности своего поступка, более того, сам признался бы в этом — и был бы счастлив оказанным ему доверием. Только так можно его обезоружить, приручить. Все недовольства и обиды таких писак от скудной жизни, оттого, что у них маленькие оклады, живут на зарплату, не имеют власти, за работу получают мизерный гонорар — вот и все их доходы, поэтому видеть не могут тех, кто хорошо живет, завидуют, пытаются дать подножку, свалить и, если получается, ужасно гордятся и ищут другую жертву. Что нужно делать в подобной ситуации? Очень просто: нужно подбросить голодному кость — пусть грызет. Почувствовав ее вкус — превратится в верного пса, будет лаять по первому знаку на кого укажешь.

Асам Пардаевич прекрасно был осведомлен: в колхозе Апы уважаемым гостям демонстрировали не только двухэтажный детский садик с бассейном, но и другие сооружения, специально предназначенные для показа, например, новую школу, трехэтажный Дворец культуры, три-четыре полевых стана и даже специально оборудованные личные дома нескольких членов колхоза — с хорошей мебелью, кондиционерами и цветными телевизорами.

Дворец культуры открывали по случаю каких-либо торжеств или же к приезду иностранных гостей.

Полевые станы, как правило, стояли закрытыми; если их даже и открывали, то колхозники, пыльные после работы с головы до ног, стеснялись туда входить и отдыхали, как обычно, на стареньком паласе под навесом. В образцовых полевых станах висело в шкафах до десятка комплектов отглаженной и накрахмаленной одежды. Как только становилось известно о приезде гостей, заранее отобранных колхозников оповещали, а уж они хорошо знали свои обязанности: умывались, переодевались и, усевшись в мягкие кресла, попивали чай, читали газеты. По цветному телевизору шла дневная передача, кондиционер создавал приятную прохладу и ощущение комфорта, на низеньком

столике красовались выставленные для гостей фрукты, лепешки, шоколад.

Что же касается личных показательных домов, то владельцы их жили в старых, оставшихся от отцов помещениях, а в новые, выделенные для них дома они заходили для того только, чтобы полить цветы, подмести, обиходить двор — в общем, подготовить к приезду гостей. Колхозники и не хотели жить в этих новых домах, в непривычных условиях — с дорогой мебелью, посудой и хрусталем за стеклом; по отъезде гостей они закрывали немилые хоромы на ключ и шли в старое, привычное помещение, где чувствовали себя свободно, хозяевами.

Асам Пардаевич знал об этой практике, вошедшей в привычку, показухе. Мало того, он сам содействовал такому порядку вещей. Да и не приходила ему мысль что-либо изменить — указания относительно достойного приема гостей шли сверху. К тому же, рассуждал он, что получится, если открыть полевые станы, открыть, скажем, садик? Испачкают, затопчут ковры, мелюзга все перевернет в новом садике, порвет занавески, сломает игрушки — за неделю исчезнет бывшее великолепие. И что тогда показывать приезжающим? Ведь в каждом таком роскошном показательном помещении есть книга предложений, в которой посетители могут оставить — и оставляют — сердечные, полные восхищения строки об увиденном, выражают желание и надежду вновь посетить колхоз, район, республику.

Этот корреспондент — Асам Пардаевич глянул на листок с записью: да, Саттаров, — он увидел лишь детский сад — и то поднял шум. Интересно, что бы он сказал, доведись ему узнать и о других показательных объектах — наверное, всю страну постарался бы оповестить. Нет, необходимо сразу же его обезоружить. Бычок дальше кормушки не побежит.

Асам Пардаевич нажал кнопку селектора:

— Редактора газеты. Да... Нет, пусть лучше придет ко мне. К пяти часам.

7

Самад вернулся из колхоза «Илгор» с тяжелым сердцем, подавленный. Жалкий вид чумазых ребятишек, заброшенный двор, заменяющий детсад, заслоняли великолепие нового двухэтажного показательного помещения. А председательша, вместо того чтобы исправить явную,

вопиющую несправедливость по отношению к своим же колхозным детям, накричала на него и в конце концов просто выставила из кабинета: «Не мешайте работать, не отнимайте у меня времени, уходите...» Ничего себе своевластие! Да кто она такая — правительница, хозяйка? Он еще посмотрит, какая она хозяйка, правительница, он напишет куда следует, да так, что очковтирательница затрепыхается на виду у всех!

Он, Самад, это дело так не оставит, доведет до конца!

Однако Апа — человек известный, для борьбы с ней одной решительности и мужества мало. Если послать статью в республиканскую газету, они не посмеют выступить. Если послать в Москву, придет запрос в республику — можно ли такое печатать? И все равно проходить равнодушно мимо таких безобразий — нельзя. Если он не прочит Апу — не успокоится. Ведь оскорбила, ведь, по сути, выгнала!

Стоя под душем в собственном дворе, Самад мысленно продолжал спор, все не мог успокоиться, доказывал, убеждал — и в итоге побеждал всех своих врагов. А они, повергнутые, униженно молили о пощаде. Самад пытался избавиться от неприятных мыслей, отгонял их, однако они снова наплывали, затягивали в свой водоворот. Когда же Самад в воображении побеждал врагов, ему становилось легче, он как бы обретал утраченные силы, приходил в равновесие, и ему вновь хотелось наслаждаться жизнью.

— Вы что, уснули? — удивленно спросила Муяссар.

Самад открыл глаза, сел за столом поудобнее. Дурные навязчивые мысли рассеялись. Оказывается, занятый ими, он не заметил, как вышел из-под душа и сел обедать.

— Я, кажется, немного устал... — Он лениво поковырял ложкой в тарелке. — А где мать?

— Они с Надирой ушли на кладбище.

— А отец?

— Где-то, наверное, развлекается.

Эти слова жены и иронический тон не понравились Самаду. Узнав, что мать с дочуркой на кладбище, он уже собрался было позвать жену в спальню, но сейчас желание пропало.

— Придет, быстро переоденется и тут же убегает, словно за ним враги гонятся, — продолжала Муяссар. — С мамой не разговаривает. Разве можно мужчине быть таким обидчивым!

— Ничего... — сказал Самад, не поднимая головы.

— Полмешка хандаляшек притащил,— сказала Муяссар.— Может, принести, будете кушать?

— Нет... если только сама захочешь.

Муяссар промолчала.

— У тебя есть дело? — чуть нервничая, спросил Самад.

— А что? — заулыбалась Муяссар, по-своему истолковав вопрос мужа.

— Что ты все стоишь, сядь,— бросил Самад и, чтоб не обижать жену раздраженным тоном, добавил: — Отдохни.

Жена все же обиделась:

— Какое вам дело до того, что я стою! Ешьте, а не ковыряйте в тарелке.— Я старалась, а вы все в кашу превратили! Что случилось-то? Вас кто-то обидел, что ли? Все ли спокойно?

— Спокойно, да,— Самад улыбнулся, желая успокоить жену, однако, вспомнив о поездке, нахмурился.

— Я забыла вам сказать, приходил из райкома человек, вас искал.

— Из райкома? — удивился Самад. Его никогда прежде туда не вызывали. «Все-таки позвонила, пожаловалась,— подумал он.— Теперь начнется: расспросы, допросы. Потребуют написанную статью об «Илгоре». Постараются придать делу политическую окраску, придумают наказание. Но ведь Холбаев как-никак родственник, в стороне стоять не будет, вмешается...»

— Вам нужно пойти,— с беспокойством добавила Муяссар, видя испорченное настроение мужа.— Он поручил передать...

— А в чем дело, не сказал? — нервничая, перебил жену Самад.— Кто приходил-то?

— Не сказал, и я не спросила. Я этого человека иногда вижу за рулем «Волги». Может, шофер?

Самад посмотрел на часы — начало восьмого. «Пойти прямо сейчас? — размышлял он.— Они дотемна не расходятся, ждут сводку из колхозов и совхозов. Выслушаю обвинения, пойму, в чем дело, успокоюсь. А если ждать до завтра, может, и не усну. Рискнуть и пойти, а? Или там подумают, что я со страха прибежал?.. Но не пойти — скажут, цену себе набиваю. Что же делать? Может, сначала встретиться с Холбаевым? Посоветует, защитит — или нет? На годовщину Замиры из райкома приходили, когда памятник устанавливали, принимали участие... знают о родственных связях... Неужели заведут дело? Некрасиво получается. Почему Холбаев не предупредил меня?»

Или все до того плохо складывается, что и он не в силах помочь? Конечно, иначе вызвал бы меня, чтобы лишний раз показать свое внимание, великодушие — и влияние продемонстрировать, это он любит. Нет, пожалуй, тогда лучше с ним не встречаться — ему будет неловко, он попытается успокоить меня, а потом на меня же возложит всю вину за ссору в «Илгоре»...»

8

Хамдам сегодня снова пошел на кладбище. На дорожке к могиле Замиры увидел Сожиду-апа с внучкой, спрятался за куст, пропустил — его не заметили.

Сожиди-апа выглядела изнуренной, глаза опухли, покраснели от слез.

Бедная мать... Хамдам проводил взглядом ее сгорбленную фигурку. Какая веселая, милая женщина была — и как постарела за год. Горе раздавило. А ведь с него, с Хамдама, все началось — только сейчас цену своим поступкам понимать начал. Целый год мучений понадобился, чтобы глаза приоткрылись.

Когда Сожида-апа с внучкой скрылись из виду, Хамдам подошел к могиле жены. Долго сидел на скамеечке, молча, не двигаясь, — напряженно думал о чем-то. Наконец, видимо, принял решение. Поднялся со скамеечки, опустил перед могилой жены на колени, прижался лицом к холодному граниту памятника. Потом, не оборачиваясь, ушел.

Когда Хамдам вернулся домой, мать, сидя у телевизора, пила чай.

Хамдам сел в плетеное кресло рядом:

— Где отец?

— В кабинете. — Мать испытующе глянула на сына: как он сегодня. — Говорит по телефону.

Хамдам помолчал, потом резко поднялся и вошел в кабинет — словно забыл что-то, а теперь вспомнил. «Деньги попросить хочет», — с облегчением решила Манзура-апа.

В кабинете Хамдам увидел, что отец стоя беседует с кем-то по телефону, и, не садясь, стал ждать окончания разговора.

— Да, тут можете быть абсолютно спокойным, Асам Пардаевич, — подытожил Холбаев. — Повторю то же, что и прежде: парень он скромный, воспитанный, смирный.

191

Видно, еще не вернулся, а то прибежал бы. Хорошо, пошлю человека, оповещу. Хорошо. До свидания.

Холбаев положил трубку, задумался на мгновение, соображая, затем обернулся, увидел сына:

— Тебе нужен телефон?

— Нет, мне нужно поговорить с вами, отец.

Увидев Хамдама, Холбаев решил, что сын в плохом настроении. Почувствовал неладное, однако скрыл это — принял нарочито бодрый вид, мол, к разговору всегда готов.

— Ну, присаживайся, — и сам опустился в кресло.

— Отец, зачем вы так делаете? — по-прежнему стоя в двери, решился спросить Хамдам, будто в холодную воду прыгнул.

— Не понимаю тебя, сынок.

— Я говорю о Замире... о ее смерти.

— До тебя только сейчас стало доходить, что ее нет? Ведь уже год прошел. Говорил тебе — нельзя столько пить.

— Сердце у Замиры было абсолютно здоровое.

— Разве? — деланно изумился Холбаев. — Отчего же она умерла? Может, от твоих скандалов?

— У Замиры сердце было абсолютно здоровое! — раздельно повторил Хамдам.

— Врачи, конечно, могли ошибиться, — не стал спорить Холбаев и поднялся, собираясь выйти из кабинета. — Что было, то минуло, сынок, теперь уж не вернешь. Не мучай себя ненужными сомнениями. Замиру этим не воскресишь. Даже если врачи ошиблись с диагнозом — что это меняет? Ну, не сердце, так что-нибудь другое. Может, она была психически больна, страдала припадками. Это врачи эпилепсией называют, страшная болезнь, протекает скрытно, дает о себе знать неожиданно... если есть кто рядом, могут оказать помощь, а нет никого — конец. Плохо, что в тот момент возле нее никого не оказалось, ты был пьян и спал, не почувствовал ничего... может, она тебя не успела разбудить или не смогла. Я много слышал о таких случаях, говорят, эпилептики даже не должны приближаться к воде: начнется вдруг припадок — и захлебнутся. Хоть и в ванной...

Холбаев говорил не останавливаясь, как по написанному читал, а сын с молчаливым изумлением наблюдал за вывертами отца. Ну и ловок!

— Хватит, сынок, достаточно, — Холбаев ласково положил руку на плечо сына. — Не трогай старую рану, не мучай себя и нас тоже. Посмотри на мать — тает на гла-

зах. Что было — то прошло. Теперь пора подумать о завтрашнем дне, сынок. Ты с честью, храня верность, держал траур по жене, прошло больше года, куда еще... — Холбаев говорил с нажимом и не останавливаясь, не давая сыну вставить хоть слово. — Мы тебя скоро женим, сынок. Неужели не завидуешь своим друзьям — у всех семьи, дети, дом полная чаша? До каких пор хочешь оставаться бобылем? Смотрим с матерью на тебя — душа ноет. Ведь и ты должен нас понять и пожалеть, сынок. И у нас, как у каждого, есть мечты и желания, мы тоже хотим увидеть внуков, хотим радоваться, глядя на тебя и твою семью.

— У Замиры сердце было абсолютно здоровое! — крикнул Хамдам — он видел, что отец не слышит, не хочет слышать его. — Она повесилась!

Холбаев, словно впервые узнав эту новость, замер с видом изумления:

— Повесилась?

— Да!

— Кто тебе сказал? Это клевета! — беспокоясь уже всерьез, спрашивал Холбаев. Неужели главврач проболтался? — От кого ты это слышал?

— Я видел сам, собственными глазами. В ванной комнате!

Холбаев, ошарашенный, несколько секунд не мог вымолвить слова.

— Это неправда! Ты не мог видеть!.. Да ты же был пьян и спал! Какой подлец это придумал? Подлец, завидующий нашей спокойной жизни, подлец, желающий сбить тебя с пути! Кто-то заронил в твое сердце сомнение, потому что хочет уничтожить нас, а ты, наивный, веришь в эту чушь! Сколько месяцев, поди, мучаешь себя подозрением! Разве можно так? Услышит мать такие разговоры — ведь сердце разорвется! Неужели ты такой жестокий, неужели у тебя не душа, а камень, сынок? Неужели?!

— Отец, — не вступая в дальнейшие объяснения, сказал Хамдам. — Я много думал. Во всем виноват я один. И если б я не заупрямился тогда, в самом начале, возможно, и не было б всего этого кошмара. Не погиб бы Равшан, Замира вышла бы замуж за любимого жениха, была бы сейчас жива, да и я плохо ли, хорошо, но прожил бы как-нибудь свою жизнь, подчинился судьбе и вам не принес бы столько горя. Да, во всем виноват я — и должен получить по заслугам. Я пойду в милицию и признаюсь, все расскажу.

— Ты?!

— Да, отец. Дальше я так жить не могу. Я с ума сойду! И так удивляюсь — как это до сих пор не свихнулся? Нет, лучше отсижу сколько дадут, зато начну жизнь сначала. Вот и все. Только я не пойду в местную милицию, она у вас в руках, меня там даже слушать не станут, я поеду в город, где вас не знают. А если люди будут вас спрашивать обо мне, скажите — сын служит в армии.

— Ну так и иди в армию! — Холбаев с облегчением перевел дух. — Послужи два года. Ты это хорошо придумал, Хамдам. За два года у тебя будет время поразмыслить, рана твоя заживет.

— Нет, отец. Армия -- это армия, а тюрьма — это тюрьма. Мне за мою вину перед Замирой полагается тюрьма.

— А я? Что будет со мной? Ты об этом подумал? Если начнут следствие, оно упрутся в смерть Равшана, и что нас ожидает?! И так уже ходили слухи, что авария подстроена, и именно в нашем районе. Из-за своего упрямства сколько людей погубишь, ты об этом хоть подумал? И у меня есть враги. Вот они и добьются, чтобы мы с тобой, отец и сын, сидели в одной камере! Сынок, послушай меня! Опомнись! Кто в наше время сам сдает себя в милицию? Это все надуманное, ты хоть когда-нибудь слышал о таком? Или, может, видел? Кому нужна ложная храбрость! Ну пойдешь, ну заявишь — скажут, что ты сумасшедший. Только на посмешище себя выставишь! Дело, которое ты затеял, — никакое не геройство, а обыкновенная дурость! Это пустое, сынок, жизнь устроена иначе. Есть интеллигентская болтовня насчет совести и чести и есть реальная жизнь. Одумайся, сынок, не будь неблагодарным перед своими родителями!

— Я и не собирался ничего говорить о Равшане, и при чем тут слухи! Скажу только о Замире. Скажу, что виноват — мучил ее, ревновал, бил, довел до самоубийства... во всем виноват я, я достоин наказания, тюрьмы...

— Эх, дитя ты еще, ребенок несмышленный, — опечаленно вздохнул Холбаев. — Ты думаешь, там дети сидят? Они же проверять начнут, откроют могилу, узнают причину смерти и выяснять станут — почему похоронили с таким диагнозом, кто был заинтересован... и дело упрутся в меня! Хочешь мать убить? Даже последний выродок не способен на такое злодеяние! Подлец! — Холбаев, сдерживая крик, яростно шипел: — Хулиган! И это сейчас-то, когда мои желания вот-вот исполнятся, когда мою кандидатуру пред-

ставили в райком?! Прокляну! Помни: если не образумишься, участь Равшана тебя ждет! Сам прикажу!

Хамдам ожидал от отца всего, но не этого. Он забыл, что и сам год назад, пьяный, похвальнолся в злобе перед бедной Замирой тем, что организовал аварию, брал грех на душу. И сейчас сам, как Замира год назад, вдруг поверил словам отца о подстроеной аварии.

Он побелел:

— Меня?..

— Да, тебя!

— Ради карьеры... собственного сына?

— Ты сам все затеял, сам!

Хамдам заплакал, беспомощно, по-детски.

— Сынок, дорогой... — Холбаев обнял его, расцеловал, сердце его переполнилось нежностью, и он тоже заплакал: — Ну зачем ты так со мной! Доконал совсем отца! Только уж матери ничего не говори. Закрытый казан пусть остается закрытым. Такое время, сынок... Если не будешь шагать в ногу со временем, оно выбросит тебя за борт, никого оно не жалеет, сынок, время, — помни об этом всегда.

9

Разговаривая с Хамдамом, Холбаев понял, что сын сделался неуправляемым и он, отец, не может контролировать его поступки. Ближайшие часы, дни, недели могли решить многое, если не все. Сейчас главное — удержать, любыми средствами удержать Хамдама от безумных, непредвиденных шагов, от жалоб и разговоров... слово-то не воробей... А потом, когда его, Холбаева, утвердят в новой должности, потом разговор пойдет другой. И с Хамдамом, и с любым другим, кто решит спросить с него за тот врачебный диагноз... Но сейчас прежде всего Хамдам не должен выходить из дома.

После разговора с сыном Холбаев постелил себе во дворе, спустил воздух в камерах семейной «Волги», ключи от машины спрятал у себя. До самого утра ворочался, вздрагивал от каждого шороха. Поднялся с больной головой.

— Закрой ворота, — сказал он жене, собираясь на работу. — Сына из дома ни под каким видом не выпускай, следи...

— Почему, что случилось? — спросила с беспокойством жена, ничего не зная о происшедшем и опасениях мужа.

— Он, боюсь, потерял рассудок.

— Не может быть! — Манзура-апа схватилась за воротник. — Это что такое вы говорите, почему он должен с ума сойти?! Нормальный он, я же вижу! Ну, стал неразговорчивым — так это от переживаний.

— От переживаний или от чего другого — это мы потом решим, — перебил жену Холбаев. — Сейчас слушай меня. Сын дурно ведет себя, способен на неожиданные поступки. Если станет упрямиться, захочет уйти — звони мне, тут же приеду... — Почувствовал что-то за спиной, оглянулся: прислонясь к дверному косяку, на крыльчке стоял Хамдам, глядел странно.

— Ты слышал? — спросил Холбаев у сына.

— Слышал, — ответил Хамдам внешне спокойно, мирно. — Можете не бояться, отец... — он запнулся, потом добавил: — Я из дома не выйду... — Видно было, хотел сказать еще что-то, но не стал... ах, если бы Холбаев знал это, знал, что задумал и не сказал сын!

— Сынок! — Холбаев шагнул к Хамдаму. — Умоляю, не губи отца, не разоряй семью! Если ты выйдешь на улицу, я места себе не найду, изведусь — поверь! Ты устал, Хамдам, тебе нужно отдохнуть. Выспись, искупайся в бассейне... не думай о ненужном, сынок, не мучай себя. Если хочешь, я докторов пришлю, пусть посмотрят тебя.

Хамдам в ответ на слова о докторах лишь криво усмехнулся.

Холбаев, взглянув на жену, продолжал уже по-русски, считая, что та не поймет:

— У тебя сейчас кризис, сынок, понимаешь? Это пройдет. Сейчас ты будто одержимый, маньяк. Тебе надо выспаться, отдохнуть, прийти в себя — и меньше думать о том деле, понял?

Хамдам кивнул.

— Молодец, — продолжал Холбаев. — Ну, теперь я могу идти в исполком? Могу я на работе быть спокойным?

— Конечно, отец, — Хамдам не скрывал иронии. — Раз посадили меня под домашний арест, да еще маму приставили сторожить, можете не волноваться больше.

— Я вам не сторож, — вставила Манзура-апа, обиженная тем, что от нее держат в секрете какие-то вещи, явно касающиеся благополучия семьи. — Сами сторожите! Можно подумать, ваш сын прислушается к моему слову! Да он уже взрослый, куда захочет, туда и пойдет, никого не спрашивая, — Манзура-апа в раздражении передвигала посуду на столе. — Вообще что происходит в доме? Что за

тайны? Почему скрываете от меня? Ведь я мать! Или я вам служанка, или я вам дурочка? Почему меня не считаете за человека? Вечно вы так!.. А сын ваш дуется, будто это я его жену убила! Измучили вы меня... — и Манзура-апа заплакала.

— Тихо, люди услышат! — прикрикнул Холбаев. — Только тебя еще тут не доставало!

— Тогда хоть ты скажи, сынок, — сквозь слезы умоляла Манзура-апа, — должна же я знать, что творится в доме!

Хамдам, резко повернувшись, ушел в комнату.

Манзура-апа беззвучно плакала.

Холбаев поднял трубку вынесенного во двор телефонного аппарата, накрутил номер:

— Алло, — сказал он, сдерживая раздражение. — Холбаев говорит. Багимов на месте? Когда придет? Какой телефон дома?

Перезвонил:

— Хуррам Багимович? Приветствую вас. Холбаев. Добро... А теперь слушайте меня. Немедленно пошлите ко мне домой кого-нибудь из своих людей... Потом скажу... Нет, ничего серьезного, скорее как предупредительная мера. Да, пусть подойдет сейчас, я сам объясню, что делать. Жду. — Положив трубку, Холбаев обернулся и увидел стоявшего на крыльце сына. В первую секунду он опешил, но тут же решил, что, может, ясность и к лучшему. Потом сообразил, что своими действиями заставит сына презирать себя, пожалел о сделанном, но менять что-либо было уже поздно. С видом уверенного в себе хозяина он удалился в комнату — одеться к выходу.

Манзура-апа, глядя в землю, все всхлипывала, платком вытирала глаза.

Холбаев появился уже при галстукке и в шляпе. Налил из чайника в пиалу, отхлебнул, со стуком опустил пиалу на стол. Заметно нервничал.

— Отец, не лучше ли просто посадить меня в тюрьму? — сказал, не трогаясь с места, Хамдам. — Все же вам спокойнее будет.

— Понадобится — и посажу! — ответил Холбаев твердо.

— Что ж вы меня удержали, когда я сам туда хотел пойти?

— Потому что это две разные вещи: ты сам пойдешь или я тебя сдам.

— Ой, — запрочитала Манзура-апа. — Какая тюрьма?

Почему? Те, кого вы вызвали, заберут сейчас нашего мальчика? Вы что, одурели, отец? Своими руками хотите посадить собственного ребенка?

— Перестань горланить на всю округу! Сама же отказалась сторожить его!

У ворот позвонили. Холбаев открыл — увидел немолодого человека в милицейской форме. Тот прижал руку к сердцу, уважительно поздоровался. Холбаев ответил на приветствие, ввел милиционера во двор и прямо у ворот стал ему что-то объяснять. Тот слушал и растерянно поглядывал то на Холбаева, то на стоявшего в одних трусах в дверях дома Хамдама.

— Зачем, товарищ Холбаев?..— ничего не понимая, спросил наконец милиционер.— Ведь это ваш сын!

— Делайте то, что вам говорят! — распорядился Холбаев громко, так, чтобы сын и жена слышали его.— Остальное не ваше дело. Идемте.— Взяв человека за рукав форменного кителя, потянул его во двор; тот нехотя, словно идя на постыдное, поплелся за хозяином.— Вот стул. Или, если хотите, вот плетеное кресло. Вот чай. Будете сидеть здесь — это все, что от вас требуется.

— Я собаку спущу! — закричал оскорбленный Хамдам.

— Я собак боюсь, Холбаев-ака,— сообщил милиционер и попятился.— Один раз покусали, с тех пор сердце в пятках.— Он умоляюще посмотрел на Холбаева: — Прощу, позвоните в отдел, пусть пришлют кого другого. Я тут не подхожу. У меня дети, да и стар я уже... Пусть, скажите, помоложе пришлют.

— Оружие есть? — прикрикнул Холбаев.

— Пистолет,— доложил человек.— Сейчас выдали.

— Заряжен?

— Не знаю.

— Посмотрите.

Милиционер дрожащей рукой дергал кобуру и все никак не мог открыть. Хамдам смотрел с интересом, криво улыбаясь. Наконец милиционер достал пистолет и, взяв за ствол, протянул Холбаеву.

Тот отступил на шаг, спросил раздраженно:

— Для чего он мне? Сами посмотрите.

Милиционер посмотрел:

— Заряжен.

— Если спустят собаку — стреляйте. Я отвечаю.— Отдав еще какие-то распоряжения, Холбаев вышел со двора.

Хамдам, уязвленный, униженный, отвернулся, ударил кулаком о стену.

Пожилой милиционер смотрел на него с жалостью и не спешил сердиться.

— Ой, сынок, что же ты наделал?

Манзура-апа всхлипнула и бросилась к сыну. Тот молча ушел в дом, захлопнул дверь.

— Хамдам, любимый сынок, пожалей мать, почему так поступаешь, почему закрылся? — причитала Манзура-апа. — Скажи, что у тебя на сердце? Какая печаль? Если полюбил девушку, скажи, что-нибудь придумаем... Твой отец все может! Из «нет» сделает «да»! Скажи, которая свела тебя с ума? Здесь, в городе, живет? Мы ее знаем? Если у нее муж — разведем, только скажи, сыночек...

Дверь с треском отворилась.

Глаза Хамдама горели от ярости.

— И вы — вы тоже как он!

Дверь захлопнулась.

Манзура-апа присела на крылечке, вытирая слезы.

Один милиционер был доволен, что Хамдам закрылся: ясно было, что собаку он спускать не собирается.

— Ну и что, так и будете торчать тут? — не зная, на чем сорвать зло, хозяйка кричала теперь на ни в чем не повинного милиционера. — Может, чтоб вам не скучно было, я еще и развлекаю вас должна?!

Милиционер чувствовал себя незванным гостем.

— Было распоряжение, — сказал он наконец. — Я разве сам напросился? Могу уйти, скажу, что выгнали со двора.

— Ну и прекрасно! — отмахнулась Манзура-апа. — Скажите, что выгнали.

Милиционер помедлил немного, потом, прижав руку к груди, поблагодарил хозяйку:

— Спасибо вам! — и попятился к воротам. — Спасибо!

Он с облегчением выскользнул на улицу.

Манзура-апа поднялась с крылечка, пригладила растрепавшиеся волосы, подошла к воротам, выглянула — милиционера уже и след простыл. Заперла ворота, повернулась к дому — и в эту минуту там, внутри, ударил выстрел.

Что же теперь делать? Как ему защищаться? И в чем будет его обвинять? Может быть, повиниться, раскаяться?

Сомнения одолевали Самада. Спал он плохо, ворочался. Под утро приснилось бескрайнее море, и он будто бы плывет по нему на топчане, берегов не видно, топчан норovit уйти под воду. Самад пытается позвать на помощь, но голоса нет...

— Как вы стонали...— сказала жена сквозь дрему.— Сон плохой увидели?

— Есть холодный чай? — хрипло спросил Самад, в горле пересохло.

— В холодильнике.

Самад босиком вышел на веранду, напился. Сердце стало биться спокойнее. Постояв немного на прохладном ночном воздухе, вернулся в дом. Обнял горячие плечи жены. После страшного сна пришло наконец чувство покоя.

Когда он проснулся, уже наступил день, жены рядом не было. Глянул на часы — десять. Испугался. Поскорее умылся, побрился, оделся, повязал галстук и, не завтракая, поспешил на улицу.

Секретарша кивнула, и Самад открыл дверь в кабинет. Сердце стучало лихорадочно.

Асам Пардаевич некоторое время смотрел на него, словно припоминая, где видел, затем улыбнулся.

— Заходите...— он опустил взгляд к бумаге на столе.— Заходите, Самад Джалалович.

Сбоку у стола сидел еще один человек — в очках, в руках держал папку.

Самад поспешил к поднявшемуся из кресла хозяину кабинета, пожал протянутую руку.

— Как ваше здоровье? — испытующе глядя на него, поинтересовался секретарь.

— Спасибо, Асам Пардаевич.

— Садитесь, пожалуйста, мы сейчас...— секретарь указал на стул, а сам продолжал прерванный разговор с человеком в очках.

Самад послушно опустился на один из стульев у стены, положил руки на колени, как ученик, стал ждать.

Входя в кабинет, он представлял, что сейчас на него будут кричать, топтать ногами,— вежливый прием был неожиданностью. Страх проходил, хотя Самад не верил вежливым словам и понимал, что главный разговор впереди. Мягко стелют, да жестко спать, решил он.

Асам Пардаевич дал какие-то поручения человеку в очках, и тот, собрав свои бумаги, вышел из кабинета.

— Садитесь поближе, Самад Джалалович,— улыбаясь, пригласил секретарь.

Самад без промедления пересел поближе.

— Ну, как дела?

— Спасибо, Асам Пардаевич, неплохо,— Самад старался отвечать спокойно, не показать своей неуверенности.— Вы приглашали, оказывается. Извините, ездил с поручением редакции в «Илгор», вернулся поздно вечером.

— Да, кстати об «Илгоре». Вы их... как бы это сказать... дали им жару, а?

— Асам Пардаевич...— начал было защищаться Самад, но секретарь не дослушал его:

— И правильно сделали! Без недостатков хозяйства не бывает. И вот такая молодежь, как вы, должна помочь нам в искоренении всех и всяческих упущений! — голос Асама Пардаевича был тверд.— Такие принципиальные люди, как вы,— наша надежда. Вы, наверное, уже что-нибудь написали?

«Начинается»,— понял Самад.

— Можно посмотреть?

— Оформленного на бумаге еще ничего нет, так, наброски в блокноте.

— Когда сделаете, покажите.

— Хорошо.

— Вот что, Самад Джалалович...— Секретарь помедлил, еще раз оценивающе оглядел молодого человека.— Мы вас побеспокоили, потому что у нас родилась одна идея. Мы посоветовались с товарищами и решили... (Сердце Самада сжалось.) М-да, решили... Такие кадры, как вы, современные, грамотные, знающие свое дело, если хотите — патриоты, нам нужны. Беседовал с редактором газеты товарищем Мирвалиевым, он вас охарактеризовал положительно. Товарищ Холбаев знает вас близко, он тоже поддержал нас. В общем, если вы не против, Самад Джалалович, у нас к вам есть предложение. Как вы на это смотрите?

— А именно?

— А именно — переходите на работу к нам. Поработайте в аппарате райкома. Поможете нам. Что вы на это скажете, Самад Джалалович?

— В райком? — не поверил Самад.

— Да. Мы одного нашего работника послали учиться. Хотим вас взять инструктором. Должность, конечно, не высокая, однако все зависит от вас: будете хорошо работать, не побоитесь трудностей, возможно, в будущем

и поважнее дела будете исполнять. Обретете опыт. Ну, что вы скажете на это предложение, Самад Джалалович?

— Что я могу сказать? — радость захлестнула Самада. — Если вы сочли меня подходящим для такой работы, я вам очень признателен. Сил не пожалею. Работая под вашим руководством, с помощью товарищей, я оправдаю, обязательно оправдаю ваше доверие, Асам Пардаевич! Спасибо вам!

— Хорошо, — подытожил Асам Пардаевич и протянул Самаду руку. — Будем считать, что договорились.

Самад, пожимая руку секретаря, даже привстал от волнения.

— Мы вас будем рекомендовать на бюро, — продолжал Асам Пардаевич. — Я думаю, вас утвердят. Желаю успехов.

— Спасибо, Асам Пардаевич, спасибо, — говорил Самад, вставая и пятясь к выходу. — До свидания.

— Да, кстати... — словно бы вспомнил секретарь. (Сердце Самада опустилось. «Сейчас главное и скажет», — понял он и остановился в замешательстве.) — Что вы собираетесь делать после завершения статьи об «Илгоре»?

— Статьи? Если вы скажете, Асам Пардаевич, пиши, — хорошо, я напишу, но если это не обязательно, то она так в блокноте и останется.

— Молодец, — одобрил секретарь, приятно удивленный чуткостью нового сотрудника. — Правильно мыслите, братишка. Если и есть какие-то недостатки, мы их можем устранить своими силами. И чего мы добьемся, если о своих упущениях станем трубить на всю республику? Сейчас, Самад Джалалович, ответственная пора — раскрытие хлопка. До перехода к нам на работу напишите статью об этом. А то, когда перейдете сюда, станет уже неудобно. И пусть это будет такая статья, которая подняла бы настроение трудящихся, подняла бы тонус... В общем, вы сами знаете, как это сделать. И Апа будет рада.

— Я понял, Асам Пардаевич, — с готовностью ответил Самад. — Будет статья! Еще раз поеду туда. Быстро закончу и пошлю в центр. Такой материал быстро пройдет.

— Ну вот это другое дело! Желаю успехов.

Самад не помнил, как вышел на улицу, — ему казалось, что он взлетает на вершину горы. «Какой образованный, тонкий, умный человек! — думал он с восторгом. — И какой скромный! Смог бы я, интересно, вести себя так же в его должности? Нет, конечно. Мы погрязли в мелочах, вытаскиваем на свет божий незначительное, не умеем

мыслить широко, видеть важное, главное, определяющее. Вот у кого надо учиться кругозору!»

Он шел и не чувствовал под собой ног, готов был кричать от радости, обнимать и целовать каждого встречного. «И я, дурак, не доверял такому человеку! Погряз в глупых сомнениях, переживаниях. Стыдно! Стыдно! Стыдно! Такие люди, как Асам Пардаевич, чуткие и вместе с тем деловые, работают и мыслят в масштабах района, области, республики, трудятся на благо народа, а мелкие, кляузные, вроде меня, не умея понять величие задач и объемом решаемых проблем, ищут грязь и выставляют ее напоказ. И если мы будем поддерживать подобные настроения, это в итоге обернется политической неграмотностью. Нет, возьмусь за работу — жизни не пожалею!»

Проходя мимо трехэтажного здания райисполкома, Самад подумал о Холбаеве. Асам Пардаевич упомянул о его поддержке. И Мирвалиев, редактор газеты, поддержал перед секретарем его, Самада, кандидатуру. Это можно считать естественным: если сам руководитель района приглашает на работу сотрудника газеты — это честь для коллектива и для начальника: значит, смогли вырастить, воспитать... возражений тут и не могло быть. Мирвалиев давно обратил внимание на Самада, еще когда тот был учителем. Не будь Мирвалиева, Самад, наверное, и сейчас еще проверял бы диктанты. Так что, если он, Самад, будет продвигаться по служебной лестнице, Мирвалиев вправе рассчитывать на его особое внимание.

Надо бы зайти, поблагодарить Мирвалиева, но прежде всего необходимо встретиться с Холбаевым — он основной исполнитель, от него и зависело, куда повернется дело. Он не только сумел уберечь его, Самада, от неприятностей, а даже рекомендовал на ответственную должность, безусловно, повлиял на решение Асама Пардаевича. Почему же он не предупредил Самада? А ведь знал, без сомнения, все знал заранее. Рассудительный, выдержанный человек. Надо зайти, обрадовать его; узнав, что запланированное им благополучно завершилось, он, конечно, поздравит его, Самада, и подскажет правильные пути, удержит от ошибок. Опытный, много повидавший человек... надо прислушиваться к его советам, это не повредит. А как он годовщину Замиры организовал, а памятник какой поставил! Такого надгробия, пожалуй, и в области нет. Интересно, где он нашел этого талантливого скульптора, который сумел оживить мрамор, создал произведение искусства — без всяких скидок. Даже обычная полуулыбка Замиры —

и та получилась. Да, мудрый человек Холбаев, проницательный. И щедрый — столько истратил, а с них ни копейки не взял, все расходы оплатил сам. И теперь еще его, Самада, поддерживает. Прекрасный, достойный всяческого уважения человек!

Уверенно проскакивая ступеньки райисполкомовской лестницы, Самад поднялся на второй этаж. Кабинет Холбаева, просторный и светлый, ничем не уступал кабинету Асама Пардаевича: хрустальные люстры, богатая лепка, дорогие ковры и занавеси, необъятный стол, телевизор, финская мебель, японский кондиционер.

Увидев Самада, Холбаев положил телефонную трубку, поднялся навстречу, постарался улыбнуться.

Уселся за маленький столик, в удобные кресла, обменялись традиционными неторопливыми приветствиями.

— Ну, какие новости? — наконец спросил Холбаев, испытующе глядя на Самада.

— Я сейчас из райкома, Асам Пардаевич вызывал.

— Знаю, — подтвердил Холбаев. — Я вас ждал.

— Асам Пардаевич сказал о вашей рекомендации.

— Неужели? — довольно улыбнулся Холбаев. — Мы посоветовались. Вы, оказывается, ездили в «Илгор» и вроде бы поскандалили там. Сначала он расстроился, потом понял положение. И вот теперь... можно вас поздравить.

— Спасибо... — скромно ответил Самад. — Я хотел...

— Извините, — перебил Холбаев, потянулся, взял с рабочего стола телефонную трубку. — Да, я... — И тут Самад увидел, как мгновенно отлила краска от его лица — оно сделалось восковым. — Что?! Выстрел?! Да не плачь, говори толком! Когда? Вызвала «скорую»? Дверь закрыта? Я сейчас приеду!

Бросив Самаду несвязные, растерянные слова, извиняясь, Холбаев выбежал из кабинета.

Самад так и остался на месте, оглушенный услышанным. «Выстрел... «скорая»... Боже мой!»

11

— Что случилось? Что? — в паническом страхе спрашивал Холбаев. — Где Хамдам?

Манзура-апа металась из угла в угол, заламывала руки. Увидев мужа, заплакала, села на пол, стала бить себя по коленям.

— Хватит! — с трудом переводя дыхание после спешки, прикрикнул Холбаев. — Что произошло? Говори!

— Не знаю...— раскачиваясь, завывала жена.— Ружье выстрелило. Комната заперта, он закрылся изнутри. Ох, лучше бы я умерла!

Холбаев подскочил, изо всех сил потянул за ручку, выдернул ее, но дверь так и не открыл. Заглянул в окно, выходившее на террасу, но сквозь занавеску ничего не разобрать было. Он постучал по раме:

— Хамдам!

Ответа не последовало. Обернулся к жене:

— Где милиционер?

— Ушел. Я его выгнала.

— Выстрел он слышал?

— Нет, ушел раньше.

Холбаев кивнул, что означало: «Очень хорошо».

— Встань с пола,— хрипло приказал жене, сам побежал во двор, под навес, вернулся с топором.

Ударил по двери раз, другой. Мозг лихорадочно оценивал ситуацию. Если Хамдам что-то сделал с собой, значит, не сможет пойти с жалобой, с раскаянием. Закрытый казан останется закрытым. Однако как в случае чего объяснить смерть сына? Если застрелился — это отрицательно повлияет на его, Холбаева, служебное положение, а уж о дальнейшей карьере и не мечтай. Замиру похоронили с диагнозом болезни сердца, но как быть с Хамдамом?

В этот миг Холбаев уже смог просунуть руку в пропущенную дверь, повернул ключ. Ворвался в комнату — и остановился.

Хамдам в одних трусах лежал на ковре в луже крови.

Холбаев бросился к сыну, перевернул его лицом вверх — увидел открытые, безжизненно застывшие глаза. Тело было еще теплым.

В дверь вошла жена и, охнув, свалилась без сознания.

— Хамдам! — кричал Холбаев, сжимая плечи сына. Зарыдал, с яростью бил кулаками об пол. Затем схватил за ремень ружье, из которого застрелился сын, выбежал с ним во двор и изо всей силы ударил о дерево. Ружье переломилось. Холбаев выбросил его в уборную.

Это было уже как бы осмысленное действие, и он начал соображать. От истерик пользы не жди, надо что-то придумать. Вернулся к телефону, набрал номер. Выпачканное в крови ухо коснулось трубки.

— Алло! Главврача, срочно! Холбаев говорит. Бутаев? Быстро ко мне, на машине приезжайте. Жена потеряла сознание. Лежит, не знаю, что делать. Воды? Хорошо.

Приезжайте срочно.— Холбаев положил трубку, взял пиа-лушку и направился к крану. Тут он увидел Самада, стоявшего у ворот.

— Что случилось? — Самад испуганно глядел на окровавленные щеку и ухо Холбаева.

— Ничего не случилось...— изменившимся голосом ответил Холбаев.— Идите сейчас, Самадджан. Особые обстоятельства. Я вам потом все расскажу. Потом.— Взяв Самада за локоть, Холбаев вывел его на улицу.

— Может, я могу как-то помочь вам?..— растерянно спросил Самад.

— Нет, нет, Самадджан. Не беспокойтесь. До свидания.— Он закрыл за Самадом ворота.

Самад, оказавшись на улице, постоял некоторое время, не зная, что делать, потом пошел к себе в редакцию.

Редактор газеты Мирвалиев, шестидесятилетний человек с приплюснутым черепом и большими ушами, увидел Самада, заулыбался, пошел навстречу. Последовал обычный традиционный обмен приветствиями. Мирвалиев налил Самаду пиалу зеленого чая.

Оба собеседника смотрели друг на друга с удовольствием.

Самад пришел поблагодарить, а Мирвалиев ждал слов благодарности, ибо это означало в его понимании, что Самад будет чувствовать себя должником и в дальнейшем станет относиться к нему соответственно... если, кто знает, Самад займет хорошую должность — сможет поддерживать его, Мирвалиева. Если повезет, знал Мирвалиев, такие, как Самад, поднимаются быстро, за четыре-пять лет.

— Приятное вышло дело, я рад,— говорил Мирвалиев и внимательно щурил маленькие глазки.

— Спасибо, Асрор Хамидович,— скромно улыбался Самад.— Поддержали вы меня, смогу ли я оправдать ваше доверие?

— Сможете, Самадджан, я в это верю,— Мирвалиев гордился сейчас и Самадом, и собой.— Теперь судьба нашего района в ваших руках. Вы молодой, энергичный, образованный, политически грамотный человек. Асам Пардаевич спрашивал о вас, вы с ним виделись?

— Да, Асрор Хамидович. Не ожидал такого, признаться. Немного боюсь. Опыта нет. Справлюсь ли?

— Не бойтесь, Самадджан,— Мирвалиев особенно чувствовал сейчас цену себе и своим советам.— Обяза-

тельно справитесь. Вы смысленный парень. Если чего и не будете сначала знать, подскажут, на произвол судьбы не бросят. Приступайте смело. Желаю удачи, Самад. Вообще-то, я знаю, сначала хотели на это место взять кого-то из комсомола, оказалось, что уж очень молод. Остановились на вас.

— Да... Сотрудника, работавшего прежде на этой должности, отправили учиться. Как вы думаете, Асрор Хамидович, когда он вернется, мне придется освободить место?

— Ему дадут пост повыше, — сказал Мирвалиев уверенно. — Что касается сути вашего вопроса... вы теперь номенклатура обкома, их кадр. Даже если перейдете на другую работу, то уже не простым сотрудником. Самое малое — доверят просвещение... или же мое место.

— Не надо так говорить, — смутился Самад; место редактора газеты вовсе уже не казалось ему заманчивым.

Зазвонил внутренний телефон, и Мирвалиев с неохотой оторвался от столь приятной беседы.

— Да, — сказал он недовольно, но, услышав первые же слова, переменялся в лице, привстал. — Ах вот как? Сейчас подойду. — Положил трубку, уже на ходу сказал Самаду: — Я сейчас, Самадджан, посидите немного.

— Конечно, пожалуйста, — ответил Самад, глядя вслед редактору. Он не пошел утром в еще свой, а теперь уже бывший свой кабинет, — теперь он чувствовал себя здесь гостем.

Через несколько минут в комнату вернулся растерянный Мирвалиев.

— Вы уже слышали, Самадджан? — спросил он от двери. — Ведь вы же родственники.

— Что? — испуганно спросил Самад — он сердцем предчувствовал плохое известие.

— Холбаев... потерял сына.

— Что?! — Самад испуганно поднялся. Он тотчас вспомнил разговор Холбаева по телефону, его странный вид, окровавленную щеку. — Что случилось?

— В отделе сказали... — Мирвалиев был растерян, расстроен. — Не знаю, может, это еще и неправда... Говорят, все от еды случилось. Будто он дыню съел с участка, сильно удобренного селитрой, и отравился — врачи не могли спасти.

«Отравился? — не мог поверить Самад. — Тогда почему щека Холбаева была в крови? Почему поспешил выпроводить меня?..»

Зазвонил телефон. Мирвалиев схватил трубку:

— Слушаю, Мирвалиев. Неужели? Ой-ой-ой... Горе-то какое! — прикрыв мембрану рукой, повернулся к Самаду, сказал шепотом: — Из райкома. — И, убрав руку, продолжал в трубку: — Похороны вечером? Так быстро? Да... Да... Понимаю. Конечно, пойдем. Все пойдут. Хорошо. — Положил трубку, посмотрел на Самада. — Единственный сын...

— Мне надо спешить. Извините, — и Самад торопливо вышел из кабинета.

12

Не прошло и месяца с похорон Хамдама, и Холбаев стал замечать в доме странные вещи. Однажды, возвратившись с работы, увидел, как жена, заткнув за пояс шаровар подол платья, босоногая, ведрами носила воду и выливала на улицу.

— Ты что это делаешь? — удивился Холбаев, входя во двор. — Кто тебе сказал, чтобы ты улицу поливала?

— Сил у меня через край! — засмеялась жена.

— Ну так и поливай тогда двор, — Холбаев сам поправил, обдернул подол жены. — Посмотри, все здесь высохло.

— Двор не хочу поливать, пусть все засохнет, — осклилась жена и снова заткнула подол за пояс.

— Стыдно, перестань, — увещевал Холбаев, беря из рук жены ведро с водой. — Твое ли это дело?! Если хочешь, я распоряжусь, пришлют машину, она все кругом польет. Посмотри на себя: подол задран, босая, — что люди скажут?

Манзура-апа долго смотрела на мужа, словно не узнавая, потом тяжело вздохнула, откинула подол и пошла в сторону кухни.

Через несколько дней Холбаев проснулся ночью как от толчка. В окно глядела полная луна, в соседней комнате кто-то напевал и притоптывал об пол.

Холбаев огляделся: жены в постели не было.

Пение сменилось негромким хныканьем.

Холбаев поднялся, осторожно приоткрыл дверь, выглянул — и опешил: жена при свете луны напевала и приплясывала. Зрелище не столько напугало, сколько встревожило его. «Что за злая доля! Ведь она помешалась. Этого еще не хватало на мою голову!» Он тихо вернулся в постель, а из-за двери продолжали доноситься нагоняющие тоску пение и притоптывание.

Холбаев подождал, обдумывая, что же делать, потом не выдержал.

— Манзура! — позвал он негромко, но жена то ли не услышала, то ли не пожелала отозваться. — Манзура! — закричал Холбаев.

— Что? — раздался пустой, без интонации, мертвый голос жены, — мурашки побежали у него по спине.

— Что ты там делаешь?

— Танцую.

Холбаев вышел к ней.

— Сейчас не время для танцев, — мягко убеждал он. — Ложись, а завтра, если захочешь, танцуй хоть до упаду. Ну-ну, иди же...

Жена повиновалась.

Этот случай серьезно обеспокоил Холбаева — он не знал, что делать.

Однако через день он решился — после того как жена сказала вдруг людям, пришедшим с соболезнованиями:

— Хамдам не стрелял в себя.

Собравшиеся в это время садились за стол, лишь двое-трое услышали слова Манзуры-апа и удивленно переглянулись. Но Холбаев понял: жена представляет теперь опасность для него.

Назавтра он вызвал к себе в кабинет начальника райздравотдела, недавно назначенного, — того самого Бутаева, бывшего главврача больницы, что подписал врачебное заключение о смерти Замиры от сердечного приступа и Хамдама — от пищевого отравления. Рассказал ему о тревожном, даже страшном поведении жены. Под конец спросил:

— Ее не опасно оставлять одну в доме?

— Опасно, — ответил Бутаев. — Ее придется изолировать.

— Изолировать? — заволновался Холбаев. — А что я людям скажу?

— Скажите, что жена больна, — это ведь действительно так. Бог посылает каждому свое: кому туберкулез, кому перелом, кому помутнение рассудка — все это обычные болезни.

— Сколько же она должна пробыть в больнице? Можно ее вылечить?

— Сейчас трудно сказать определенно. Если болезнь не запущена, можно надеяться. От этого зависит и срок лечения.

— Она ведь может, пока одна в доме, сболтнуть кому-нибудь, что Хамдам застрелился.

— Тем более ее надо в изолятор.

— И когда, как вы считаете?

— Чем скорее, тем лучше. Отправим ее в областной центр, там ее никто не знает. Специалисты есть хорошие. Я позвоню и договорюсь, чтобы приготовили место. Сразу повезем и положим.

— Хорошо, сделаем так, как вы говорите.— Холбаев передохнул с облегчением.— Выход из положения найден. Теперь, Закир Бутаевич, поручаю вам это дело, от вас у меня секретов нет.

— Можете быть спокойны.

Через два дня рано утром врачебная машина увезла Манзуру-апа в областную больницу.

Прошло две недели. За это время Холбаев ни разу не навестил жену. Он считал себя лицом достаточно известным и не хотел, чтобы кто-нибудь видел его в той больнице, где лечилась жена,— пойдут ненужные расспросы, разговоры. По нему — так пусть она там и остается как можно дольше, хоть навсегда. Зачем ему, Холбаеву, больная, полупомешанная жена? Да еще в такое ответственное время, когда ясно стало, что Асама Пардаевича забирают в область и освобождается место, которого он, Холбаев, столько ждал. И действительно, разве найдется более подходящая кандидатура, чем он? К тому же на голову его свалилось в последнее время столько горя — должны же теперь его пожалеть.

Да, немало пришлось ему, Холбаеву, испытать, вынести — и все ради заветного освобождающегося места! Пришлось скрыть самоубийство Замиры и сына, все организовать так, чтобы комар носа не подточил,— один он знает, сколько сил и нервной энергии это стоило. Похороны и поминки по Хамдаму прошли, как он хотел,— было множество людей, и все до одного сочувствовали бедному отцу. Теперь это сочувствие должно лишней гирькой упасть на весы, на чашу его успеха.

Сидя в плетеном кресле у себя во дворе, возле телефона, Холбаев внимательно читал большую статью Самада, опубликованную в республиканской газете. Статья рассказывала об успехах колхоза «Илгор» и о его председателе. Читая, он время от времени поглядывал на телефон — сегодня он ждал вестей о своем новом назначении.

Наконец раздался звонок.